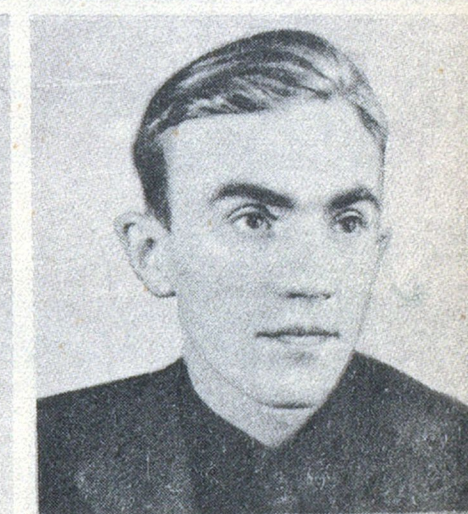
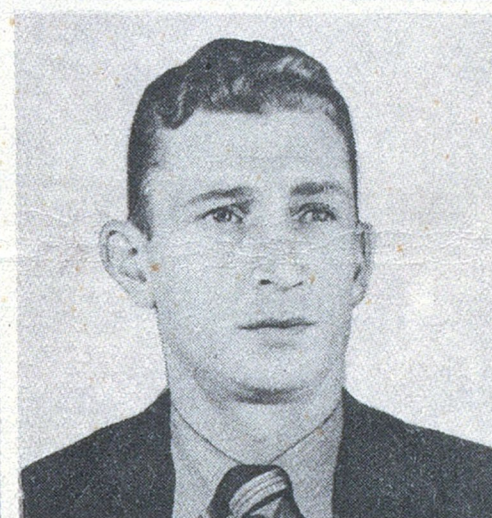
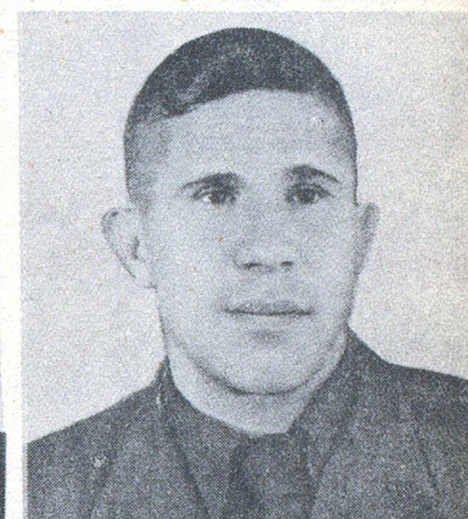
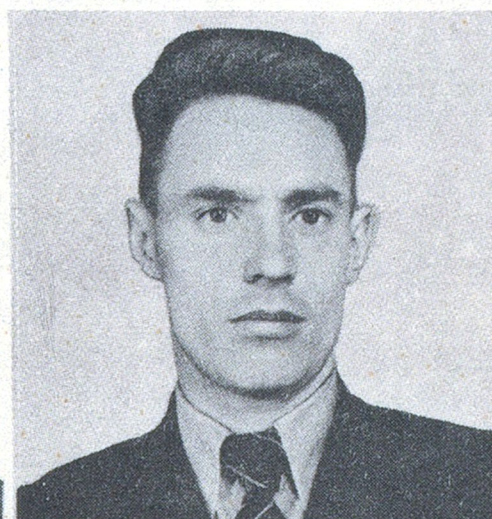

ДИНАМО

30 НОЯБРЯ 1945 ГОДА

19:9

Футболисты команды «Динамо», победившей на матчах в Великобритании. Первый ряд: тренер М. Якушин, капитан М. Семичасный, Л. Соловьёв; второй ряд: С. Соловьёв, В. Блинков, вратарь А. Хомич; третий ряд: В. Бобров, И. Станкевич, К. Бесков; четвёртый ряд: В. Карцев, Е. Архангельский; нижний ряд: В. Радикорский, В. Трофимов.

№ 46-47

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

23-й год издания

ОГОНЁК

№ 46—47 (965—966)

30 ноября 1945 года

70-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ТОВАРИЩА М. И. КАЛИНИНА

Верный соратник Ленина и Сталина.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Из воспоминаний Поля Лафарга.
(К 125-летию со дня рождения.)

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ

Проф. А. Трайнин.—Процесс в Нюрнберге.

Инж. Ф. Вейтков: — «Лампочка Ильича».

С. Бессуднов.—По Советской Арктике

СТИХИ И ПРОЗА

Николай Бараташвили.—Чинара. Перевод Бориса Пастернака.

Иоганнес Барбарус. Аркадий Ситковский. Валдис Лукс.—Стихи о Родине.

Лидия Сейфуллина.—Молодость. Рассказ.

РЕПОРТАЖ

С. Гурарий.—Центральная избирательная комиссия за работой.

Полковник А. А. Попов и Н. Колли.—Офицер артиллерии.

Б. Агапов и С. Шингарёв.—Великое право.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

И. Фёдоров.—Новые материалы о Чехове.

Людмила Верцнер.—Андрей Рублёв.

М. Михайлов.—Майя Плисецкая в роли Раймонды.

В. Толстой.—Выдающийся русский скульптор.

Александр Дейч.—Бытописатель русского народа.

НАУКА И ТЕХНИКА

И. Гейзер.—Фотографирование желудка.

ЮМОР

Евг. Бермонт.—Настоящий партнёр.

СПОРТ. — ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ. — ШАХМАТЫ. — КРОСС-ВОРД.

Рисунки и гравюры художников: лауреата Сталинской премии Н. Жукова, Б. Дегтярёва, Ф. Константинова, М. Полякова, Г. Валька, Б. Фридкина.

Фото: С. Гурарий, Н. Петрова, А. Капустянского, В. Темина, Г. Капустянского, Н. Колли, С. Шингарёва, С. Бессудного, Д. Лебабова, В. Мальмберг, А. Хлебникова, Н. Волкова, В. Кутового.

На обложке: Команда «Динамо», игравшая в Англии. Фото Н. Волкова.

На второй странице обложки: Бой у Кюстрина. Рис. В. Климашина.

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТОВАРИЩА М. И. КАЛИНИНА

Михаил Иванович Калинин в Кремле при вручении наград.

Фото С. Гурарий

ВЕРНЫЙ СОРАТНИК ЛЕНИНА И СТАЛИНА

Михаилу Ивановичу Калининскому исполнилось семьдесят лет. Со всех концов страны идут в Москву, в Кремль, горячие поздравления дорогому юбиляру и пожелания долгих лет здоровья и плодотворной деятельности на благо социалистической отчизны.

Более полувека своей жизни отдал товарищ Калинин революционной борьбе. Рабочим-юношей встал он под знамя Ленина — Сталина. Два с лишним десятилетия боролся он в условиях жестокого террора царизма.

Тернист и опасен был путь революционного борца. «Однако, если бы вы спросили меня, — не раскаивался ли я в те годы, избрав именно такую дорогу в жизни, — то на это я должен вам ответить: для человека, который стремился к большой жизни, а не к узкой, не к обывательской жизни, рассчитанной на обеспечение только личного, чисто мещанского благополучия, для человека, который хотел прожить свою жизнь действительно хорошо и интересно, для такого человека не могло быть иного пути!»

Так говорил Михаил Иванович в задушевной беседе со школьниками, советуя юношам и девушкам жить общественными интересами народа, что единственно доставляет счастье человеку. И ту же мысль высказал он в речи, обращенной к своим избирателям — ленинградцам, — в канун первых выборов в Верховный Совет СССР:

«Товарищи, коммунизм обогатил, наполнил глубоким содержанием жизнь и борьбу рабочего класса. Вот когда про меня говорят: человек прошёл тяжёлый жизненный путь, — не нравится это мне, по совести

скажу. Если человек усвоил коммунистическое мировоззрение, то оно наполняет его жизнь таким богатым содержанием, что эта жизнь не кажется тяжёлой, а кажется богатой и, главное, — сам чувствуешь, что она бесконечно хороша даже в самые трудные моменты.

Вся история моей жизни, а по существу и вся история рабочего класса, заключается в том, что мы жили и боролись под руководством Ленина, Сталина».

Идейная убежденность, большевистская страстность, глубочайшая преданность делу народа, делу коммунизма — вот что отличает всю жизнь Михаила Ивановича, стойкого последователя и верного соратника Ленина и Сталина, видного организатора и строителя коммунистической партии и советского государства. Свыше двадцати шести лет находится товарищ Калинин на посту руководителя верховного органа советского государства, усилению и возвышению которого служит каждый день, каждый час его многогранной деятельности.

Бесчисленными нитями связан Михаил Иванович с народом. К нему идут ходоки, ему пишут тысячи и тысячи людей, его видели и слышали миллионы рабочих, крестьян, служащих, красноармейцев.

Исключительна роль М. И. Калинина в завоевании нашей победы в Отечественной войне. Его речи, статьи, беседы последних четырёх лет — это выдающиеся документы большевистского воспитания народа-воина, с беспримерной доблестью сражавшегося с врагом и сразившего врага. Руководитель верховного органа советского государства,

лучший пропагандист партии, товарищ Калинин укреплял связи фронта с тылом, союз рабочих, крестьян, интеллигенции, ленинско-сталинскую дружбу народов.

В самые тяжёлые периоды Отечественной войны миллионы советских патриотов не покидали уверенность в нашей победе. «...Эта убежденность, — говорит М. И. Калинин, — покоилась не только на материальных предпосылках, а и на моральной стойкости наших людей, на их вере в наше правое дело. Никто не мог допустить и мысли, что в мире может существовать сила, способная стнать у нашего народа советскую власть. И это чувство, владеющее массами, превратилось в материальную силу, которую на Западе воспринимают как чудо. Мы же эту уверенность расценивали, как самую верную меру силы советской власти».

Война закончена, и Михаил Иванович ставит перед народом новые задачи, разъясняет смысл и значение одержанной победы, призывает трудящихся с удвоенной энергией, с ясным сознанием стоящих перед ними целей приступить к мирному созидательному труду.

«Я оптимистически смотрю на вас и ваше будущее, — говорил недавно М. И. Калинин девушкам-воинам, демобилизованным из Красной Армии и Военно-Морского Флота. — Я думаю, что вы сыграете не малую роль в нашей мирной жизни...»

Военная обстановка, как бы она ни была блестяща, как бы ни объединяла она в одно целое массы, как бы высоко ни поднимала она лучшие чувства человека, например, патриотизм, — всё же она является лишь эпизодом в истории государства, а мирная

М. И. Калинин беседует с посетителями у себя в приёмной.

Фото Н. Петрова.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ М. И. Калинин вручает товарищу И. В. Сталину орден «Победа». 5 ноября 1944 года.

Фото С. Гурарий.

жизнь есть нормальное состояние страны, — состояние, в котором и предстоит вам теперь работать».

В результате нашей победы в Отечественной войне исправлены многие исторические несправедливости. Главное же — то, разъясняет Михаил Иванович, что мы отстаивали свою свободу, самостоятельность и те великие завоевания, которые дала народу Октябрьская революция. Мы имеем очень сильную армию, которая может обеспечить государственные интересы Советского Союза.

«Но и теперь, — говорит М. И. Калинин, —

после самой великой победы, какую только знает история, мы не можем ни на одну минуту забывать того основного факта, что наша страна остаётся единственным в мире социалистическим государством... Одержанная победа ещё не означает, что исчезли все опасности для нашего государственного бытия и социалистического строя. Исчезла только самая конкретная, самая непосредственная опасность, угрожавшая нам со стороны гитлеровской Германии. Чтобы опасность войны действительно исчезла на продолжительное время, надо закрепить нашу

победу». А это — дело всего народа, дело его творческих усилий, дело его труда.

Наша цель ясна. Мы хотим закрепить нашу победу. Мы хотим добиться и добьёмся расцвета сил Советского Союза, дальнейшего укрепления его экономического и военного могущества, подъёма культуры и благосостояния населения, новых успехов в строительстве коммунизма.

Советские люди от всего сердца желают Михаилу Ивановичу Калининскому на долгие годы сил и здоровья на радость и счастье народа!

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ ЗА РАБОТОЙ

Фото С. Гуарпий.

На основании статей 36 и 37 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» Президиум Верховного Совета СССР утвердил Центральную избирательную комиссию по выборам в Верховный Совет СССР в следующем составе: В. В. Кузнецов — председатель комиссии, Н. Г. Бруевич — заместитель председателя, Н. Н. Шаталин — секретарь комиссии. Члены комиссии — Г. М. Попов, А. А. Кузнецов, К. А. Абушенко, Н. С. Тихонов, Н. А. Михайлов, А. И. Покрышкин, Н. А. Пылаева, З. Т. Сердюк, Ф. П. Головатый, Т. И. Шувандика, А. Л. Шатилин, У. Юсупов.

На снимке: в центре — председатель Центральной избирательной комиссии В. В. Кузнецов; справа от него — заместитель председателя — Н. Г. Бруевич; слева — секретарь комиссии Н. Н. Шаталин.

Заседание Центральной избирательной комиссии Слева направо: А. Ф. Горкин, Н. С. Тихонов, А. И. Покрышкин, Г. М. Попов, А. А. Кузнецов, Н. Н. Шаталин.

На снимке: члены Центральной избирательной комиссии; слева — А. И. Покрышкин, справа — Г. М. Попов.

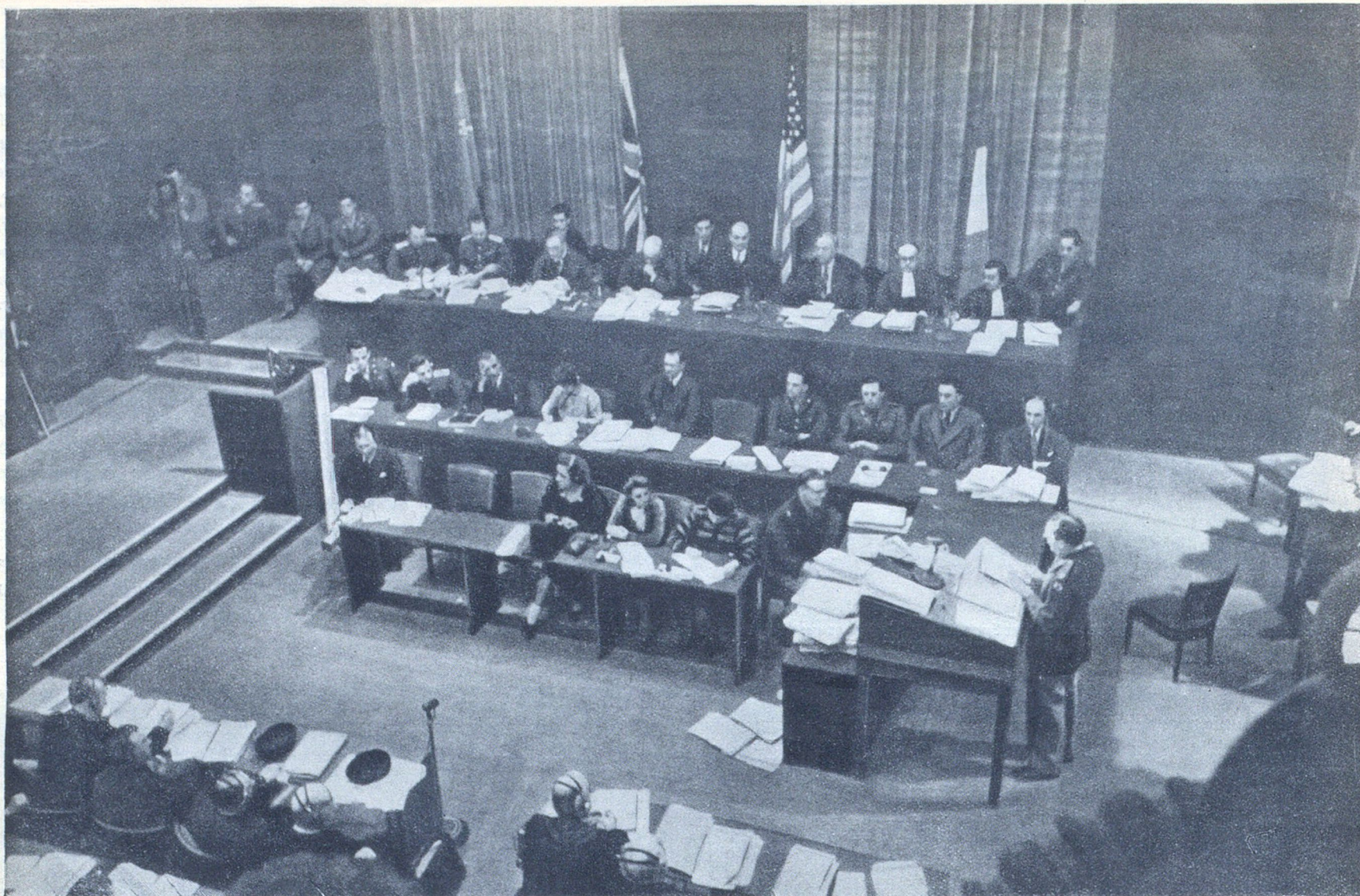
Центральная избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет СССР составляется из представителей от профессиональных организаций рабочих и служащих, кооперативных организаций, коммунистических партийных организаций, организаций молодёжи, от культурных, технических и научных обществ и других общественных организаций и обществ трудящихся, зарегистрированных в установленном законом порядке, а также от собраний рабочих и служащих по предприятиям, военнослужащих по воинским частям, собраний крестьян по колхозам, сёлам и волостям, рабочих и служащих совхозов — по совхозам.

Центральная избирательная комиссия образуется в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 12 членов и утверждается Президиумом Верховного Совета СССР не позднее, чем за 55 дней до выборов.

(Из «Положения о выборах в Верховный Совет СССР».)

Заседание Центральной избирательной комиссии. Справа налево: Ф. П. Головатый, Н. А. Пылаева, Т. И. Шувандина, К. А. Абушенко, З. Т. Сердюк, Н. Г. Бруевич, В. В. Кузнецов.

В зале заседания Международного военного трибунала.

ПРОЦЕСС В НЮРНБЕРГЕ

Проф. А. Трайнин

Фото А. Капустянского и В. Тёмна.

I

Германия пронизана в разных направлениях автострадами, широкими, выложенными огромными асфальтовыми плитами. По этим дорогам легко и плавно скользит машина. Но людей они сторонятся — все норовят пробежать мимо городов и селений, подалее от человеческого жилья. Дороги сторонятся людей, ибо созданы они не для прогулок, а для военных целей. Война любит тайну. Движения войсковых частей должны были быть скрыты даже от «арийских» взоров.

Исключение — Нюрнберг. «Мой любимый, верный город», — как напыщенно называл его Гитлер. Нюрнберг, где происходили «съезды» — сборища гитлеровского отребья, — на особом положении: от общей, запятой в лесах и долинах, автострады бежит к Нюрнбергу своя, отдельная автострада, непосредственно связывающая Нюрнберг с большой военной дорогой Германии. Из года в год по этим дорогам под видом «партийных съездов» репетировал Гитлер быструю концентрацию значительных вооружённых масс. Десять лет тому назад, в 1935 году, на нюрнбергский «съезд» прибыли 464 специальных поезда и неисчислимое количество машин, доставивших около полумиллиона «гостей» и «делегатов».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ

Весь мир обращает свои взоры к Международному военному трибуналу, слушающему дело главных немецких военных преступников.

Международный трибунал организован по соглашению четырёх государств: СССР, США, Англии и Франции — после совещания представителей этих государств в Лондоне.

В состав Трибунала входят четыре члена суда и четыре заместителя. Каждая из сторон — Советский Союз, Соединённые Штаты Америки, Англия и Франция — назначила по одному судье и одному заместителю. На суде выступают четыре главных обвинителя, назначенных правительствами четырёх держав, и защитники, избранные подсудимыми из числа германских адвокатов.

На скамье подсудимых 20 человек: Геринг, Гесс, Риббентроп, Розенберг, Ганс Франк, Фрик, Штрейхер, Кейтель, Функ, Шахт, Ширах, Реддер, Дениц, Заукель, Шпеер, Папен, Иодль, Нейрат, Зейсс-Инкварт, Фриче. В отношении ещё не пойманного Бормана, большого Круппа дело предположено слушать заочно, а дело Кальтенбруннера — отдельно.

Внесённый в Международный военный трибунал обвинительный акт по делу главных немецких военных преступников подписан четырьмя главными обвинителями. Но обвиняют не только они: обвиняют народы. Перед лицом всех народов мира совершается правосудие над преступниками, посягнувшими на основы международного общения и человеческого существования. Фашизму, разбитому на полях сражений, на земле, и в воздухе, и под водой, будет нанесён ещё один сокрушительный удар. Первенцы и последние нацизма понесут заслуженную кару. Будет убрана с пути истории отвратительная фашистская нечисть. Человечество уверенно пойдёт вперёд по пути новых побед культуры и цивилизации.

Сегодня «любимый, верный город» людоедов иной. Крикливая слава Нюрнберга отцвела и опала. Правда, автострада осталась. Но ведёт она уже не в торжествующий и неистовствующий, украшенный свастиками и освещённый факельсугами Нюрнберг, а в полутёмный, полуразрушенный город побеждённых.

Над Нюрнбергом зимнее небо. На улицах ковер опавших листьев. Ветер поднимает, кружит их и уносит в зияющие пасти домов. В Нюрнберге нет сплошь разрушенных районов, как в центральной части Берлина. Но фашистский Нюрнберг искалечен во всех своих частях, на всех улицах и перекрёстках. Кто-то вёл сверху точный счёт домовому хозяйству фашистской твердыни, и почти каждый второй-третий дом её обращён в груды камней.

В Нюрнберге начался процесс главных немецких военных преступников, гитлеровских главарей, преданных суду Международного военного трибунала. Сложна была задача организации этого Международного суда. Нелегко было разрешить и другую, техническую часть задачи: подыскать помещения, подобрать сотрудников, организовать службу связи. В Нюрнберге собрались многочисленные работники Трибунала и его аппа-

рата: судьи, прокуроры, эксперты, переводчики, машинистки, связисты. Американские власти (Нюрнберг находится в американской зоне) отремонтировали здание суда и помещения делегаций, наладили «службу связи». Особо примечательны два вспомогательных учреждения: кабинет документов и библиотека. В кабинете документов собраны подлинники и фотокопии многочисленных приказов, выступлений, отчётов за подписью Гитлера, Геринга, Кейтеля, Йодля и других главарей бандитской шайки. Этот документальный материал полон большой обличительной силы. Он составляет одну из несокрушимых баз обвинения.

В библиотеке, занимающей три больших комнаты, собрана вся законодательная и литературная «продукция» гитлеровской Германии: «труды» Гитлера, Розенберга, Франка и других «фюреров»; комплекты «Фелькишер беобахтер» и многих других фашистских газет; собрания законов, годовые отчёты нацистской партии — почти вся печать, при помощи которой чёрный яд фашистской отравы распространялся по Германии и за её пределы. Теперь эта человеконенавистническая «литература» каждой своей страницей изобличает фашистских заговорщиков.

Доступ к фашистским документам и печати широко открыт для работников всех делегаций. Библиотекой и кабинетом может пользоваться каждый из съехавшихся в Нюрнберг в эти знаменательные дни гостей.

II

Международный военный трибунал расположился во дворце юстиции, в здании краевого суда. Огромное, массивное четырёхэтажное здание. Каждый этаж опоясан коридором, вдоль которого тянутся сотни комнат делегаций и служб.

Зал судебных заседаний находится на третьем этаже. Он невелик для любого значительного судебного процесса. Он явно недостаточен для суда, привлекающего внимание всего мира. В зале, специально для предстоящего процесса, надстроен обширный балкон, но и эта надстройка дала немного: вместе с балконом зал вмещает всего около 350 человек. Спрос на места уже с самого начала многократно превышал эту цифру. Каждый день теперь приносит всё новые и новые требования и просьбы. Обращаются правительства, военные власти, научные учреждения, общественные организации всех стран и неисчислимое количество корреспондентов — представителей печати всего мира. Бюро по распределению мест приходится поневоле быть не только скупым, но и жёстким. Работа бюро по распределению мест всё более напоминает жизнь лагеря, расположенного на берегу бурной реки: вот поток жаждущих попасть на процесс прорвёт заградительную плотину и беспорядочно хлынет в Нюрнберг! Против такой опасности приняты предупредительные меры. Американские власти в Берлине дают визы на въезд в Нюрнберг лишь с особого разрешения из Нюрнберга. Зато радио, кино, печать призваны «расширить зал заседаний» и дать возможность миллионам следить за ходом нюрнбергского процесса. Именно для этой цели пред-

ставителям печати, радио и кино отведена большая часть мест — 250.

III

Среди сложных технических вопросов, возникших при организации нюрнбергского процесса, не последнее место занял вопрос о языке. Международный трибунал, как известно, организован по соглашению четырёх государств: СССР, США, Англии и Франции. Тем самым три языка: русский, английский и французский — признаны официальными равноправными языками Трибунала и его органов. С другой стороны, процесс в Нюрнберге должен вестись на языке, доступном и для подсудимых, то есть на немецком. Таким образом, нюрнбергский процесс должен быть проведён на четырёх языках. Но насколько осложнилась бы работа Трибунала и ход судебного заседания, если бы действительно каждое замечание суда, каждый вопрос свидетелю и его ответ, каждое выступление адвокатов и обвинителей передавались бы последовательно на четырёх языках! Такой порядок четырёхступенного слушания дела удлинил бы процесс, который и без того потребует немало времени. Судебная процедура лишилась бы надеждающей чёткости и нужных темпов. Прекрасно снаряжённая колесница правосудия с трудом двигалась бы сквозь многоязычные преграды. Поэтому Трибуналом намечен следующий рациональный и справедливый путь:

Каждый из трёх языков: русский, английский и французский — равноправен. Следовательно, судья и прокурор, представляющие СССР, вправе выступать и будут выступать на русском языке, судья и прокурор Франции — на французском языке, Англия и США — на английском языке. У всех участников — слушники. Из центрального радиопункта Международного трибунала все выступления тут же передаются: русским слушателям —

на русском языке, французам — на французском, англичанам и американцам — на английском и, наконец, немцам — на немецком языке. Такая система требует сложной технической установки и высокого класса работы переводчиков. Но она прекрасно сочетает осуществление принципа равенства трёх главных языков с максимальным упрощением многоязыкой конструкции процесса.

IV

В близком соседстве с «Дворцом правосудия» находится нюрнбергская тюрьма. От «Дворца правосудия» до тюрьмы недалеко — 100—150 метров. Приговор Трибунала покажет, в какую обитель и в какой мир совершат свой последний путь гитлеровцы, но дорога из тюрьмы на скамью подсудимых для них не сложна: по подземному ходу главные восточные преступники доставляются в Трибунал быстро и незаметно.

Нюрнбергская тюрьма, так сказать, — просторная тюрьма: в ней три этажа. Построена она была немцами по архитектурному шаблону многих европейских тюрем: из центра, где расположен наблюдательный пост, разбегается несколько крыльев, по которым в 3 ряда — один над другим — расположены камеры заключённых. Первые крылья — обычные уголовные отделения. В них содержатся заключённые, обвиняемые в общеуголовных преступлениях. За особой дверью другое, отдельное крыло. Оно заметно отличается сейчас от всей тюрьмы: здесь много стражи, а балконы второго и третьего этажей, идущие вдоль камер, покрыты провололочной решёткой, предохраняющей от попыток заключённых броситься вниз. В этом особом крыле и размещены главные военные преступники — виновники величайшей кровавой бойни в истории мира.

Сначала, в первые месяцы заключения, военные преступники, как известно, были подвергнуты весьма своеобразному режиму:

они содержались в отелях, позировали фотографам, давали интервью и встречались за столом. В Нюрнберге с этой тюремной идиллией решительно покончено. Заключённые содержатся в одиночках. В крохотной со скупым дневным светом камере — койка, стул и стол, нарочито хрупкий: становиться на него нельзя. Заключённым воспрещается общаться между собой. Ночью свет в камеру подаётся через отверстие в двери. Стекло в окнах небьющееся. Очки на ночь отбираются. Пища подаётся в специальной посуде без ручек, без ножей, без вилок. Парикмахер бреет заключённых безопасной бритвой и к вечеру сдаёт администрации точным счётом полученные утром лезвия. В «глазок» двери караульный неустанно следит за поведением пойманных преступников. Словом, жизнь заключённых в величайшей степени оберегается от них самих. Но безумный страх перед правосудием порой толкает преступника к хитрой изобретательности. В углу каждой камеры «параша», связанная с общей канализацией. Здесь, в этом углу, покончил с собой обвиняемый Лей.

V

Нюрнберг — старинный город. У него большое историческое прошлое. Когда-то Нюрнберг вёл освободительные войны, был не только торговым, но и культурным центром. Этих страниц из истории Нюрнберга никто вырывать не склонен. Но Нюрнберг «третьей империи» — это клоака, куда стекались мутные волны нацистских орд. Это центр, в котором методически подготавливался кровавый заговор против всего человечества. Самые отвратительные законы, изданные гитлеровской Германией, носят название «нюрнбергских законов».

Такого Нюрнберга более не существует и существовать не будет. В жизнь Нюрнберга история повелительно вписала новую страницу. Резиденция фашизма должна стать его могилой.

Скамья подсудимых.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Из воспоминаний Поля Лафарга

28 ноября исполнилось 125 лет со дня рождения Фридриха Энгельса, одного из основоположников марксизма, друга и соратника великого Маркса.

Публикуемые отрывки из воспоминаний Поля Лафарга, известного деятеля рабочего движения, современника великих учителей рабочего класса, воспроизводят образ Энгельса в жизни, образ, дорогой и близкий миллионам трудящихся. Воспоминания Поля Лафарга были впервые опубликованы на русском языке накануне войны в книге «Воспоминания о Марксе», изданной «Молодой гвардией» в 1940 году.

Я познакомился с Энгельсом в 1867 году, в год появления в свет первого тома «Капитала».

«Теперь, когда ты стал женихом моей дочери¹, — сказал мне Маркс, — я должен представить тебя Энгельсу». И мы поехали в Манчестер.

Энгельс жил со своей женой и её племянницей, которой тогда было лет шесть или семь, в небольшом домике на окраине города. В нескольких шагах от них было уже открытое поле. После поражения революции на материке² Энгельс, подобно Марксу, перебрался в Лондон; и Маркс и Энгельс остались без всяких средств к существованию. Нужда заставила Энгельса поэтому последовать пригласению своего отца и вернуться в Манчестер, где ему пришлось занять то же место в конторе, которое он занимал в 1845 году.

Энгельс всегда любил общество молодежи и неизменно был гостеприимным хозяином. Сколько лондонских социалистов, проезжавших товарищей, эмигрантов всех стран собиралось по воскресным дням за его братским столом! Все они покидали его дом очарованные этими вечерами, которые он оживлял своим остроумием, своей увлекательной живостью, своей неугомонной весёлостью.

Нельзя думать об Энгельсе, не вспоминая в то же время Маркса, и наоборот: жизни их настолько тесно сплелись, что составляли, так сказать, одну, единую жизнь. И, тем не менее, каждый из них представлял собой ярко выраженную, особую индивидуальность по внешнему облику и по характеру, темпераменту и манере мыслить и чувствовать. Они впервые встретились в последних числах ноября 1842 года в одно из посещений Энгельсом редакции «Рейнской газеты». Когда Маркс, «воспользовавшись» тем, что цензура закрыла «Рейнскую газету», женился и переехал во Францию, Энгельс провёл с ним в сентябре 1844 года несколько дней в Париже. Переписка их началась, как сообщает Энгельс в своей биографии Маркса, с совместной работы их в «Немецко-французском ежегоднике», и с той поры начинается их совместная деятельность, закончившаяся лишь со смертью Маркса. В начале 1845 года министр Гизо выслало Маркса по настоянию прусского правительства из Франции, и он переехал в Брюссель. Вскоре и Энгельс приехал туда. И когда революция 1848 года снова воскресила «Рейнскую газету», Энгельс вошёл вместе с ним в редакцию и замещал его, когда Марксу необходимо было отлучаться.

Энгельс и Маркс привыкли совместно работать. Энгельс, который сам доходил до крайности в своём стремлении к точности, тем не менее, не раз выходил из себя от щепетильности Маркса, не решавшегося напечатать ни одной фразы, которой он не мог бы доказать десятью различными способами.

После поражения революции 1848 года оба друга вынуждены были расстаться. Один из них отправился в Манчестер, другой — остался в Лондоне. Однако они не перестали мысленно быть друг с другом: ежедневно или почти ежедневно в продолжении двадцати лет делились они в письмах своими впечатлениями и думами по поводу политических событий и своих научных занятий. Эта переписка сохранилась.

Как только Энгельсу удалось сбросить с себя ярмо коммерции, он покинул Манчестер и поспешил в Лондон, где он поселился в Риджент-парк-Род в десяти минутах ходьбы от Майдланд-парк-Род, где жил Маркс. Ежедневно около часу дня он отправлялся к Марксу, и, если погода благоприятствовала и у Маркса было настроение, они отправлялись вместе гулять на поляны Хемстеда. Когда гулять почему-либо нельзя было, они час или два беседовали в рабочем кабинете Маркса, прохаживаясь взад и вперёд один — по одной диагонали, другой — по другой. Я живо припоминаю один их спор, который длился несколько дней. В промежутках спора они, каждый в отдельности, обдумывали спорный вопрос, дабы прийти к общему мнению. Никакая иная критика их мыслей и работ не имела для них того значения, как этот их обмен мнений: так высоко ставили они друг друга.

Маркса и Энгельса сближала не только совместная умственная работа, но и взаимная нежная привязанность. Каждый из них всегда думал о том, как бы чем-нибудь порадовать друга; каждый из них всегда гордился другим. Однажды Маркс получил письмо от своего гамбургского издателя, который сообщал ему о посещении Энгельса и называл его очаровательнейшим человеком, какого ему когда-либо приходилось встречать. «Я бы хотел видеть человека, — прервал себя Маркс при чтении письма, — который не нашёл бы Фреда столь же милым, как и образованным!»

У них всё было общим: деньги и знания. Когда Марксу было поручено писать корреспонденции для «Ньюйоркской трибуны», он стал изучать английский язык, а Энгельс пока переводил его статьи, иногда же, когда это нужно было, сам их и писал. Когда же Энгельс работал над своим «Анти-Дюрингом», Маркс прервал свои за-

нятия, чтобы написать для него экономическую часть, которой Энгельс, по его собственному признанию, частично воспользовался.

Энгельс распространял свою дружбу на всю семью Маркса. Дети Маркса были и его детьми, и они в свою очередь называли Энгельса своим вторым отцом. Дружба эта продолжалась и после смерти Маркса.

Один лишь Энгельс был в состоянии разобраться в рукописях Маркса и издать оставленное им литературное наследство. Энгельс отложил в сторону свою общую философию наук, над которой работал свыше десяти лет и для которой подготовил обзор всех наук и их новейших успехов, чтобы посвятить себя всецело изданию двух последних томов «Капитала».

Энгельс любил научную работу. Его интересовали все области знаний. После поражения революции в 1849 году он сел на парусное судно, чтобы перебраться из Генуи в Англию, так как путешествие из Швейцарии через Францию казалось ему не совсем безопасным. И он использовал этот случай, чтобы приобрести некоторые познания в области мореплавания. На этом судне Энгельс вёл дневник, в котором отмечал изменения в положении солнца, направлении ветра, состоянии моря и т. д.

Первыми увлечениями Энгельса были филология и военное искусство; он всегда оставался им верен и постоянно был в курсе их успехов. Самые, казалось, незначительные детали представлялись для него ценными. Помню, как он воспользовался визитом своего друга Меса, приехавшего из Испании, и читал ему вслух сборник испанских стихов, чтобы взять урок скандирования.

Его знание европейских языков и даже отдельных диалектов было прямо невероятно. Когда я после падения Коммуны встретился в Испании с членами местного Национального совета I Интернационала, они рассказывали мне, что в секретариате лондонского Генерального совета меня замещает в деле связи с Испанией некий Анжель, который пишет на чистейшем кастильском наречии. Этот Анжель был не кто иной, как Энгельс, только фамилию его они произносили по-испански. Когда я отправился в Лиссабон, секретарь Национального совета Португалии Франция сообщил мне, что им получены письма от Энгельса на безупречном португальском языке, — удивительное мастерство, в особенности если принять во внимание сходство и мелкие различия этих двух языков между собой и итальянским языком, которым Энгельс также владел в совершенстве.

Любознательность Энгельса удовлетворялась вполне лишь тогда, когда он овладевал изучаемым предметом до мельчайших его деталей. Когда составляешь себе некоторое представление о размерах и бесконечном разнообразии его познаний и принимаешь при этом во внимание его деятельную жизнь, то невольно удивляешься тому, как Энгельс, отнюдь не кабинетный учёный, мог накопить такое количество знаний. Столь же точная, как и безмерная, память сочеталась у него с необычайной быстротой работы и не менее удивительной лёгкостью восприятия. Работал он быстро и легко. В его двух больших светлых рабочих комнатах, стены которых были заставлены книжными шкафами, не валялось на полу ни одного клочка бумаги, а книги, за исключением какого-нибудь десятка, лежавшего на письменном столе, стояли все на своих местах.

Столь же внимательно относился он к своей внешности; бодрый, старательно опрятный, он всегда выглядел так, точно готов был явиться на смотр. Я не знаю никого, кто бы так подолгу носил одни и те же костюмы, причём они никогда не теряли своего фасона и выглядели, как новые. Если по отношению к самому себе он был расчётлив и позволял себе только те расходы, которые считал безусловно необходимыми, то по отношению к партии и партийным товарищам, обращавшимся к нему в нужде, он проявлял безграничную доброту.

Энгельс жил в Манчестере, когда был основан I Интернационал. Энгельс поддерживал I Интернационал деньгами и работал в его газете, основанной Генеральным советом. Когда вспыхнула франко-прусская война и Энгельс переехал в Лондон, он отдался работе в Интернационале с тем пылом, какой он проявлял во всём, за что ни брался.

Война увлекала Энгельса и как военного тактика. Изю дня в день следил он за борющимися армиями и не раз, как показывают его статьи в «Пела-мелла-газетт», предсказывал мероприятия германского генерального штаба. За два дня до Седана³ Энгельс предсказал окружение наполеоновской армии. За эти предсказания, которые, впрочем, обратили на себя внимание и английской прессы, старшая дочь Маркса, Женни, прозвала его «Генералом». После ниспровержения империи он возлагал все надежды на торжество Французской республики. У Энгельса и Маркса не было отечества. Оба они были, по выражению Маркса, гражданами всего мира.

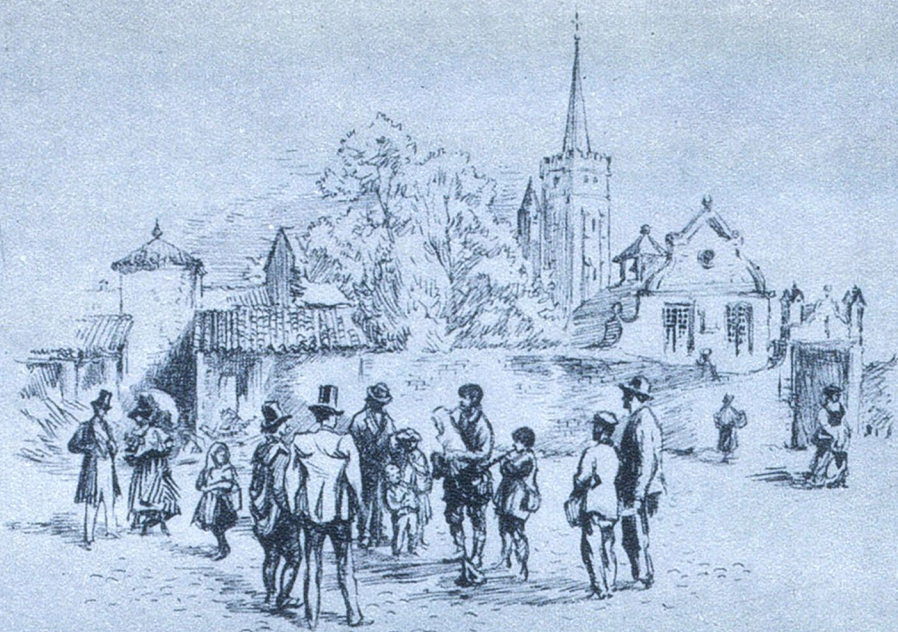
¹ Лафарг женился на дочери Маркса — Лауре.

² Речь идёт о революции 1848 года.

³ При Седане 2 сентября 1870 года французская армия Наполеона III капитулировала, а император сдался в плен пруссакам.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС
К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Уголок Манчестера.

Выступление Энгельса на Гаагском конгрессе.

«Нигде не читается так хорошо, как в саду в ясное весеннее утро, с трубкой во рту, под солнцем, согревающим тебе спину...»
(Энгельс).

Рисунки лауреата Сталинской премии Н. Жукова

(Студия имени Грекова).

Художник Андреев. «В. И. Ленин и И. В. Сталин у плана ГОЭЛРО».

«ЛАМПОЧКА ИЛЬИЧА»

Инженер Ф. Вейтков

14 ноября 1920 года Владимир Ильич Ленин вместе с Надеждой Константиновной Крупской выехали из Кремля в деревню Кашино (Яропольской волости, Волоколамского уезда, Московской губернии).

Крестьяне пригласили Ленина разделить с ними радость открытия в Кашино своей электростанции. Эту небольшую электростанцию, предназначенную главным образом для освещения деревенских изб, оборудовали сами крестьяне своими средствами и силами.

...В просторной избе кашинцы устроили званый обед и пригласили на него руководителей партийных и советских организаций Волоколамского уезда.

И вот среди шума крестьянского веселья кто-то глядевший в окно внезапно крикнул:

— К нам автомобиль подъезжает!

Через несколько минут кашинцы объаты были необычайно радостным волнением. Дверь открылась, вошли Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Все поднялись с мест.

Гостей усадили за стол. Завязалась оживлённая беседа.

Ленин подробно расспрашивал крестьян о том, как они управляют без помещиков.

Кашинцы проявили большой

интерес к рассказу Ленина о плане возрождения хозяйственной жизни страны на основе электрификации.

— Я извиняюсь, — сказал внезапно появившийся в избе уездный фотограф Феофанов. — Мне необходимо, так сказать, запечатлеть этот торжественный момент. Я должен побеспокоить... Уже темнеет. Прошу пройти на улицу сниматься...

Владимир Ильич тотчас же встал с места и сказал:

— Ну что ж, не возражаю...

После съёмки на главной улице состоялся митинг.

К тому времени весть о приезде в Кашино Ленина молниеносно облетела все соседние селения. Кроме кашинцев на митинг пришли крестьяне из Суворова, Масленникова, Козлова и других окрестных деревень.

Митинг открылся речью кашинского крестьянина Дмитрия Родионова, одного из активных устроителей электрической станции.

— Советская власть, — говорил

Родионов, — дала нам возможность осветить наши избы. Этот свет прорежет ночную тьму и выведет нас на правильную дорогу, к новой жизни. При царском правительстве мы могли только мечтать. Благодаря Октябрьской революции мы добились цели. И вот наука забила свет в стеклянный пузырёк и преподнесла его нам на радость...

Владимир Ильич вместе с кашинцами горячо аплодировал Родионову.

Затем на трибуну поднялся Владимир Ильич.

Прежде всего он поздравил крестьян с радостными событиями на фронте: от товарища Сталина получена телеграмма о том, что с Врангелем через несколько дней будет покончено. Затем Владимир Ильич рассказал о том, что правительство разрабатывает сейчас план электрификации всей России. Электричество будет главной силой всего народного хозяйства.

Стало смеркаться, и в это время на нескольких столбах одновре-

менно вспыхнули новые, необычные фонари.

— Ура! — загремели кашинцы, когда площадь озарилась электрическим светом.

И именно в эти дни в народе родилось крылатое и задушевное название электрического света — «лампочка Ильича», — облетевшее всю страну.

После митинга и осмотра электростанции Ленин и Крупская тепло простились с кашинцами.

Отъезжая от Кашина, Владимир Ильич несколько раз выглядывал из автомобиля, чтобы ещё полюбоваться ярко освещёнными окнами деревянных изб и светом уличных фонарей.

К концу 1920 года во всём Волоколамском уезде действовали уже 11 сельских электростанций, обслуживавших 1200 крестьянских домов с населением около 5 тысяч человек.

Дело возрождения и развития хозяйства страны на базе электрификации пошло бы несравненно скорее, если бы республику не терзали враги.

Разбить и уничтожить врага во что бы то ни стало! — звали народ Ленин и Сталин.

16 ноября Ленину пришла телеграмма:

«Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован».

Перевод Бориса Пастернака

ЧИНАРА

На берегу могучая чинара
Над кручею раскинулась шатром.
Тенистое убежище от жара,
Приют полураздумий-полудрём.

Шумит Кура, чинару в колыбели
Качает ветер, шелестит листва.
Едва ли это шум без цели, —
В нём слышатся какие-то слова.

Как любящий возлюбленную, яро
Целует корни дерева Кура.
Но горделиво высится чинара,
Чуть-чуть качая головой шатра.

Повеет ветер, и одною дрожью
Забьются и чинара и река.
Как будто всё у них одно и то же,
Одна и та же тайна и тоска.

1844.

Я помню, ты стояла
В слезах, любовь моя.
Но губ не разжимала,
Причину слёз тая.

Не о земном уроне
Ты думала в тот миг.

Красой потусторонней
Был озарён твой лик.

Мне ныне жизнью всею
Секрет тех слёз открыт.
Что я осиротею,
Предсказывал твой вид.

Теперь по сходству с теми,
Мне горечь всяких слёз
Напоминает время,
Когда я в счастье рос.

1840.

Стрелой несётся конь мечты моей.
Вдогонку ворон каркает угрюмо.
Вперёд, мой конь, и ни о чём не думай.
Вперёд! Все мысли по ветру развей.

Вперёд! Вперёд, не ведая преград.
Сквозь вихрь и град, и снег, и непогоду
Ты должен сохранить мне дни и годы.
Вперёд, вперёд, куда глаза глядят!

Пусть оторвусь я от семейных уз.
Мне всё равно! Где ночь в пути нагрянет,
Ночная даль моим ночлегом станет.
Я к звёздам в небе в подданство впишусь.

Я вверюсь скачке бешеной твоей
И исповедаюсь морскому шуму.
Вперёд, мой конь, и ни о чём не думай.
Вперёд! Все мысли по ветру развей.

Пусть я не буду дома погребён.
Пусть не рыдает обо мне супруга.
Могила ворон выроет, а выюга
Завоет, возвращаясь с похорон.

Крик беркутов заменит певчих хор.
Роса небесная меня оплачет.
Вперёд! Я слаб, но ничего не значит.
Вперёд, мой конь, вперёд во весь опор!

Я слаб, но я не раб судьбы своей.
Я с ней борюсь и замысел таю мой.
Вперёд, мой конь, и ни о чём не думай.
Вперёд! Все мысли по ветру развей.

Пусть я умру, порыв не пропадёт.
Ты протоптал свой след, мой конь крылатый,
И легче будет моему собрату
Пройти за мной когда-нибудь вперёд.

Стрелой несётся конь мечты моей.
Вдогонку ворон каркает угрюмо.
Вперёд, мой конь, и ни о чём не думай.
Вперёд! Все мысли по ветру развей.

1842.

С большим подъёмом в стране
развернулась подготовка к VIII
Всероссийскому съезду Советов.
В порядок дня съезда был вклю-
чён как главный вопрос план
электрификации страны.

На сверкающем знамени ленин-
ско-сталинской электрификации
25 лет назад было написано:

«Коммунизм это есть советская
власть плюс электрификация
всей страны».

Сотни первоклассных районных
электростанций, тысячи километ-
ров высоковольтных электропе-
редач, тепловых сетей и электри-
фицированных железных дорог
опоясали земли государства тру-
дящихся.

Электричество стало матери-
ально-технической основой на-
шего социалистического произ-
водства.

Десятки новых, никогда не су-
ществовавших в России отраслей
промышленности созданы были в
Советской стране по воле партии
Ленина — Сталина.

Из года в год продолжалась и

электрификация сельского хозяй-
ства.

Незадолго до вероломного напа-
дения на нашу страну гитле-
ровских бандитов 700 тысяч кол-
хозных дворов пользовались
электрическим светом, а 10 тысяч
колхозов перерабатывали свою
продукцию с помощью электриче-
ства.

Электрические молотилки, ин-
кубаторы для выведения птицы,
мукомольни, электротеплицы,
электрокоровники и пр. уже не
были «заморской диковиной» для
многих наших колхозов.

13 тысяч колхозных электро-
станций питали энергией сотни
тысяч «лампочек Ильича», осве-
щая путь дальнейшего развития
счастливой, зажиточной жизни в
советской деревне.

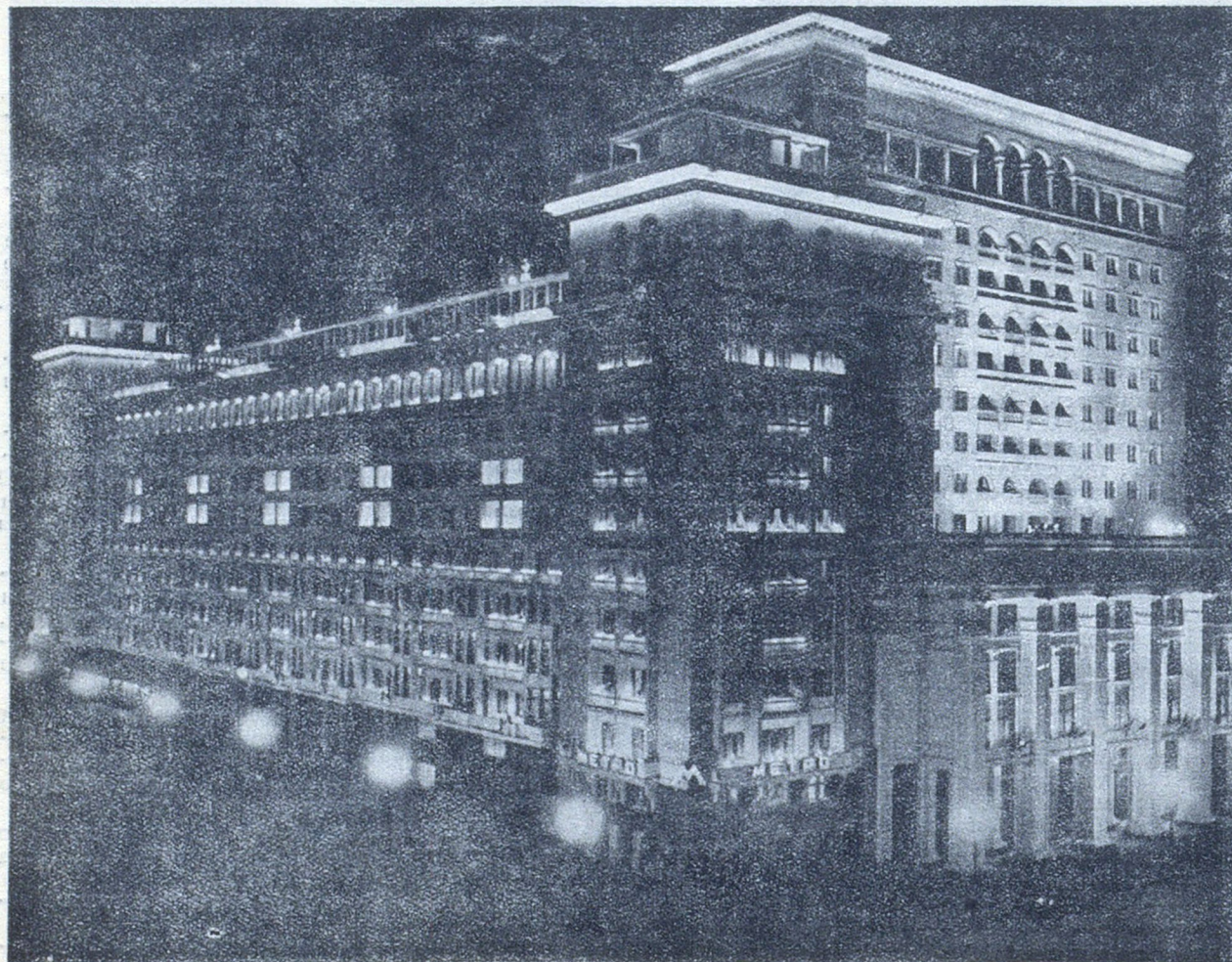
Весной этого года, когда ещё
гремели залпы последних и ре-
шающих штурмов Отечественной
войны, великий продолжатель де-
ла Ленина товарищ Сталин под-
писал решение правительства о
дальнейшем развитии сельской
электрификации.

Только в 1945 году уже вошли
в строй сотни колхозных элек-
тростанций в Ярославской, Сверд-
ловской, Рязанской и десятках
других краёв и областей, на Ура-
ле, в Сибири, на Дальнем Восто-
ке, в Молдавии, Узбекистане и др.

Проектируется до 3 тысяч но-
вых колхозных электростанций.
Проклятые гитлеровские злодеи
разрушили десятки электростан-
ций, созданных колхозниками.

Советский народ, ведомый
Сталиным, выбросил врагов с
советской земли и разрушил гит-
леровскую Германию.

И вновь, как четверть века на-
зад, сияют теперь неугасимые
огни нашей ленинско-сталинской
электрификации, светятся мил-
лионы ярких «лампочек Ильича».

Ночная Москва. В Охотном ряду.

Натолкнулась она близ дороги на трёх женщин...

МОЛОДОСТЬ

Лидия Сейфуллина

Рассказ

Рисунки Б. Дегтярёва

В густой туман пробиралась Валя на базу через лесную поляну. На расстоянии протянутой руки ничего нельзя было рассмотреть перед собой. И Вале вспомнилось детство. Таким далёким казалось оно теперь, словно было всё это не десять, а двадцать, тридцать лет назад. Убежали они — пять девчонок по девятому году, Валя — шестая, старшая, десятилетняя, — убежали в лес по ягоды. Когда в лес бежали, чуть курился над землёй туман, как дым негустой. А потом вдруг уплотнел, вырос. Едва различимы стали деревья, а кустов совсем не видно. Девочки чуть не потеряли друг друга в лесу. С плачем аукались, наконец сбились вместе плотной стайкой, начали к опушке выбираться. Ни одна не знала, в какую сторону двинуться. Знакомый лес вдруг сделался чужим, неизвестным. Испугались девочки, даже плакать перестали. Вдруг донеслось до них щёлканье пастушьего бича. Тогда Валя закричала изо всех сил:

— Щёлкай, щёлкай, деду-ушка Тере-ентий, щёлкай, милый-й дедушка! Укажи дорогу!

И пастух защёлкал громко, часто, весело. Девочки обрадовались: страху как не бывало, со смехом прибежали на опушку, где Терентий скотину пас.

Теперь нет ни мирного пастбища, ни щёлканья нестрашного пастушьего бича. Другой, злодейский бич гуляет сейчас по родным опушкам и селениям. Страшен милый с детства русский лес и в туман и в ясный, солнечный день. За любым кустом, может, смерть сторожит. Опушка и поляны особенно опасны. У опушки недоброй жизнью ожила дорога: с начала весны служит неприятелю. Когда в ясный день пересекаешь открытую поляну в одиночку, всё чудится, из-за деревьев возьмёт тебя на мушку враг. А в таком тумане легко натолкнуться на неприятельский карательный отряд. В наступление пошла Красная Армия. За её боевые успехи немцы метят народу в тылу. Прочёсывают леса. Около железной дороги на много километров повыверили все деревья. А над теми, кто в леса не ушёл, творят страшную расправу. Над покорными и робки-

ми особенно. Вале вспомнилось, что недавно партизанам пришлось немало из добытого провианта отдать крестьянам, убежавшим от немецкой расправы в лес без всякого запаса пищи, почти без одежды. В чём были ночью, в том и убежали. А партизанам самим добывать питание стало чрезвычайно трудно. На валиной базе давно без соли обходится, пятый день ни крошки хлеба нет, питаются ягодами, кореньями, грибами, сваренными без соли. Курильщики маются без табаку, мох и листья курят. Оттого и ноги у Вали сегодня как не свои. А всё же без малейшего ропота отряд отдал питание пострадавшим сельчанам. О необходимости помочь им сама Валя рассказала отряду. Натолкнулась она близ дороги на трёх женщин. Одна из них, высокая костлявая старуха, была в одной рубашке с дмотканной холщёвой становой. Поверх неё, на худой, морщинистой шее, висел медный крестик на старом гайтане. Неожиданно увидев перед собой незнакомую девушку, старуха схватила обеими руками за этот медный крестик: в испуге иной опоры не нашла руками. Валя смогла их успокоить и подробно расспросить, что они делают здесь, около леса. При ней была тогда крошечка хлеба. Валя сразу поняла, что женщины голодны, в лесу ищут пищи. Но подробности горького их бытия узнала уже после того, как старуха приняла от неё хлеб.

— Хлебушка не видим, дочка, много дён, — сказала старуха. — И сейчас не сами съедим. Здесь всё матеря. Каждая через какую-то голодную тоску для дитяти кусок сбережёт. А для себя мы тут падаём собираем.

Женщины объяснили Вале, что лежали под снегом здесь убитые лошади. Теперь снега сошли, обнаружились их трупы.

— Кое место в этой падали сохранилось без червей. Мясо, вроде как проваленное, можно съесть. Вот и собираем на варево, — сурово объяснила старуха.

У Вали сердце сжала такая тоска, какой, кажется, никогда в жизни ещё не испытывала. На своей, когда-то всем обильной земле, русские люди падают собирают. Как же это произошло? И старуха рассказала:

— Из нашей деревни в партизаны никто не ушёл, и к нам ни разу они не наведывались. Видно, за то и наказал нас бог, что об настоящих наших заступниках не старались. Ну, а в Красной Армии находятся с каждого двора по-двое да по-трое. Сперва-то немцы, как разместились у нас, за красноармейцев семейных не шибко допытывались. Разоряли, притесняли в постепенно. Ну так, кур перевели дочиста, постымали, почитай, всю худобушку. На всю деревню в одном дворе коровёнку оставили. Шибко тощая была, раскормить приказали хозяевам. Обида, ну, всё — не жизни лишиться. Терпим, виду не показываем, что на Красную Армию надеждой живём. А тут слухок прошёл: надвигается, теснит немцев она. Обрадели мы, но опять ни одно дитё малое, ни одна баба, из глупых глупая, не выдали немцам той радости. И напрасно, доченька, мы так делали. Хоть бы в честном гневе хоть раз мы перед немцами обнаружили, легче было бы нам за дело пострадать, а не из-за немецкой злой трусости. Напугались они, видно, и давай середь нас опасных искать. Ой, милая, сыну моему на допросе, при наших же при односельчанах, для острастки отрубили сперва правую руку, а ногу левую. Опять допросили, не обогал никого, не сказал, коли знал что. Он-то смекал из-под немцев из деревни уйти, ну да как подняли мы все, бабы в семье истощенный вой, остался. Уберегли. И в смерти, чать, не заспать мне этого греха, в гробу перевернусь, как вспомню, что материнской мольбой дома задержала его тогда.

У старухи пресекался голос, глаза стали мутными, она долго шевелила беззвучно сразу перемякшими губами, пока выговорила:

— Потом рубанули сынку напрочь ногу правую, а руку — левую. Перекрестили живого человека злодейским смертным крестом. Сколь уже после того мучился он, обрубок человеческий, не знаю. А как услышала про то... сыночек мой, рождённый, хоженный, на всякое дело удатный... Покатилась я наземь, сердце зашло у меня. В полную память пришла только... когда внуков спасать пришлось.

Старуха медленно опустилась на траву, около валиных ног. Не упала, просто села. Словно вдруг забыв обо всём окружающем, села подумав: «Что это я? О чём рассказываю?»

— Вставай, матушка, опять застынешь, как мёртвая, сидючи в тоске, — приподнимая её подмышками с земли, тихонько проговорила одна из молодых. У ней самой дёргались губы и дышала она так, будто дыхание застряло в горле.

— Ой, одно ли то злодейство совершили в нашей деревне враги! — переводя вздох, сказала она. — Потом — зачали молодых к себе в Германию вербовать. Тут мы взбунтовались, исхитрились, семей несколько нас, ночью убежали в чём есть. Корки хлеба, слышь, за пасти, захватить не успели. Другим-то, рассказывают, партизаны помогают, а мы ни в тех, ни в сех — беглецы. Не можешь ли ты, девушка, навести на нас партизан?

— Стой! — вдруг словно опомнилась старуха. — Хлеб дала, мы поддались, голодные. Не ищайка ли ты немецкая? Задушую, — она двинулась на Валу, вытянув вперёд свои костлявые руки.

Другие две удержали старуху:

— Стой, стой, чего ты! Видать ведь человек... русская.

— Есть и русские, — тяжело переводя дыхание, сказала старуха, — есть и русские черти... одной с немцами шерсти. Которого села?

— Всё равно из которого, бабушка! Верь мне, чем хочешь поклянись, что немцы мне — такие же враги, как вам, — ответила Валя. — Сама я дороги к партизанам не знаю, но через хороших людей сумею им про вас передать. Скажите, где вас найти?

Женщины сразу не ответили. Молча переглянулись друг с другом. Старуха, очевидно, вслила в них запоздалую боязливую осторожность. Но сама старуха, неожиданно для Вали, обратилась к ней совсем другим, просительным тоном:

— А ты Сталиным поклянись... Сказывают, которые русские

хоть раз поклянутся Сталиным, тем у немцев никогда прощенья нет. Русским нельзя даже в обман Сталина имя в клятву давать.

— Ну, а если в обман, — подхватила молодая, та, что поднимала с земли старуху, — партизаны не помилуют. Это тоже верно скажут: за такую обманную клятву везде тебя партизаны достанут!

Валя улыбнулась широко и светло. Она торжественно, как на воинской присяге, подняла руку, сказала чуть дрогнувшим от внутреннего волнения голосом:

— Сталиным клянусь: не врагов, друзей приведу на помощь вам!

Три женщины сомкнулись кольцом вокруг Вали. Старуха тихо, почти шопотом, сообщила ей приметы вырытой ими пещеры в соседнем лесу. Валя знала это место, сама напонила им о кривой, приметной берёзе.

После этого одна из молодых спросила Валу голосом, полным доверия:

— Скажи, детка, неужели немцы непобедимые?

— Быть этого не может, — страстно воскликнула вторая, — сроду не поверю, чтоб наши бойцы не отплатили им за всю нашу муку-мученическую! Как же тогда на свете людям жить? Скотом, зверьём тогда людям надо оборотиться?

— Отомстят и победят! — с ликующей уверенностью ответила им тогда Валя.

И сейчас, бредя, усталая, сквозь густой туман, девушка сразу ободрилась, вспомнив об этом. Она вновь, как и тогда, остро ощутила непереносное существование счастья в человеческой жизни. Сквозь сырой, унылый сомкнувшийся сейчас вокруг неё туман проглянет же солнце. Оно есть, оно не погасло. К этим страдающим женщинам, к ней самой, к милой мамушке, ко всему дорогому сердцу Вали сообществу людей придёт же простое человеческое счастье — иметь право быть добрыми людьми.

— Ведь для этого надо только, чтоб весь мир увидел, понял всю нашу правоту...

Вдруг сзади хрустнул сучок под чьей-то ногой. Валя сразу опомнилась, повернулась назад, напряжённо глядя в туман: «Что это я? Размечталась, нашла место и время... Что это на меня нашло?.. Бежать не следует, нет... Выждать тоже не надо... Просто оглянулась и опять иду своей дорогой».

Валя, не ускоряя хода, двинулась вперёд, но по спине холод прошёл, и во рту сразу пересохло:

«В лесу сверну к лесной сторожке. Будто нечаянно, в тумане, в лес попала... А мне надо, мне надо... на дорогу в село. Где же лес? Когда она кончится, эта поляна? Уже не сбивалась ли я действительно с пути? Опасности всегда надо посмотреть прямо в лицо, выяснить...»

Девушка решительно повернулась и встала, выжидая. Да, тёмный силуэт человека совсем близко. Двигается осторожно... «Видит меня, видит».

И тут же оба разом негромко воскликнули:

— Валя!

— Ваня!

Это был Пантюхин. Он приблизился к девушке, подхватил её под руку:

— Двигай, двигай быстрее! В лесу, в чаще где-нибудь присядем. Понимаешь, из сил выбился.

— Как ты здесь очутился?

— Я же говорю тебе, петлял, как заяц. Больше. Умней. Как лиса увернулся.

— А, может, привёл?

Ваня тихо, но самодовольно засмеялся:

— А раньше-то?

Это была жаргонная поговорка, вывезенная Ваней с его родины, из Чкаловской области. Если товарищи выражали опасение, что Ваня сделает что-нибудь не так, как того польза дела требует, он, прищурив глаза, вызывающе вопрошал:

— А раньше-то, то есть раньше, когда-нибудь, вы меня видели в дураках?

Так он сам объяснил в отряде свою поговорку.

Валя усмехнулась:

— Не знаю. Крептюкова надо спросить.

— Что Крептюков! После моего ранения он как стал добрым ко мне, так с пути не сбивается. А сегодня будет мной во как доволен...

Оба засмеялись. Ваня прижался к девушке плечом и придержал её за руку.

— Ну, домой пришли. В лесу. Давай немножко посидим вот под этими тремя соснами. Ноги нейдут.

— И у меня. Я как раз, когда шла, думала: какой у нас дом опасный.

— Другого нам пока не полагается. Спасибо этому: целы пока. Садись. Трудно пришлось.

— В отряде оба доложим. Спасибо, оба целы пока.

— А ты меня не передразнивай, я робкий. Правда, Валя, сегодня ты вроде оживела, подобрела. А то лютая была, подойти страшно и больно.

— Эх, Ваня, тяжко мне было и страшно. Прямо страшно. Не струсил, ты не подумай.

— Что, я тебя не знаю? Страдала из-за зинино провала.

— В том-то и дело, что зинин провал — он и мой. Сама не приглядываясь хорошенько к проклятой этой «крёстинке». А Зина... ведь в ней детского много. А мне Крептюков доверился... Да и не это. Как подумаю, что Зины нет, вот и сейчас ножом в сердце, словно...

Валя тихо заплакала, уткнувшись лицом в плечо Вани. Он ласково, ласково провёл рукой по её вздрагивающей спине.

— Ну, что это ты?.. Сроду не видал, чтоб ты плакала. Нам всем ведь было нелегко на душе. И потом то, что выручить не могли. Ох, как горько!..

— Ох, как горько, Ваня, друга терять в нашей судьбе! А ещё горше, если когда-нибудь хоть словом одним обидел его. А я Зи-

ну... не ценила. Не могу теперь вспомнить, сколько раз ей обидные вещи говорила... Зачем, зачем это я так делала?

— Ну, ты же и любила её. Ты о ней, как родная мать, заботилась...

— И знаешь, Ванечка, как узнала я об её стойкости и все подробности казни её, мне так показалось, окаменело сердце во мне. Ничего и никого не жалко, даже родной матери... Она-то не делит с нами нашей судьбы. И от этих мыслей стало мне страшно. Думаю, уж никогда я больше не полюблю никого всей душой. Всем не верю, и самой себе не верю, и жизнь передо мной теперь такая страшная... безлюдная. И против немцев только из мести, не по любви к своим. Нет больше никого своего для меня...

— Валя, а мы?.. А я?

— И показалось мне, что конец моей молодости... Нарочно на смерть буду лезть, всё равно, я старая, душой старая... Ох, этого не рассказать, какое было у меня зловещее... не знаю, как сказать... ну, полное отчаяние, просвету нет. И я сама не знаю, как сошло с меня это ожесточение...

Валя не знала, что злобная страстность и кратковременность её отчаяния, и все сегодняшние мысли, и то, что именно Ване захотелось ей открыть свою душу, — всё это была молодость, торжествующая и над войной и над всякой бедой, побеждающая тлетворную силу лихого для человеческой души времени. Ваня тоже не знал этого, но чувствовал он одинаково с молодой девушкой, и не умом, а сердцем хорошо понял Валя.

— Да, трудная у нас молодость. Ну да ведь мы не хлюпики... Помнишь, это у кого-то из писателей, про каких-то старикашек. Не старикашки мы, а сталинское поколение. Одним словом... не надо, Валя, слёз.

— Я уже больше не плачу. Ты не сердись, что я перед тобой расхныкалась. Больше никому, никому не могла бы я сказать. Я ведь тебе... очень доверяю.

Ваня вдруг прижал её к себе крепко, но бережно.

— Валя, а я ведь тебя... люблю. Ты не догадывалась. Эх, сколько я дум передумал о тебе!

Валя подняла голову. Взгляд одного нашёл другой такой же взгляд, полный той чистой страстной нежности, какая бывает только в юности. Желанные губы были близко, но Ваня наклонился к ним медленно, не сразу решился прильнуть своими губами. Поцелуй длился долго, у обоих захватило дыхание. Казалось, невозможным его прервать. Валя первая опомнилась, тихонько оттолкнула юношу рукой в плечо, высвободилась из его объятий и встала. Щёки её алели нежным румянцем, глаза так сияли, будто излучали счастье. Она сама это почувствовала, прикрыла их ладонью. Ваня поднялся смущённый, почти испуганный. Нерешительно и неловко притягивая Валя за локти к себе, он спрашивал:

— Ты оскорбилась? Ты оскорбилась? Не надо. Я крепко люблю тебя... Люблю до смерти.

Валя отняла руку от глаз, прижалась головой к его плечу, засмеялась приглушённым, счастливым смехом:

— Ну вот и объяснились. Я-то догадывалась... А неужели ты не догадался? Ещё тогда... на той товарищеской вечеринке в пединституте... Помнишь?

— Мне показалось, но ты ведь, Валя, красивая... Перед тобой всегда кто-нибудь из ребят на карауле... А я, Валя, гордый человек. Перед женщиной я не желаю унижаться.

Они шли между деревьями, тесно прижавшись друг к другу. Оба знали, что в землянку спешить им не надо. На базе лишь сторожевая охрана, все соберутся вместе лишь на утренней заре. Теперь же не поздний ещё вечерний час. Они оба возвращались с дневной вылазки. Но разгуливать в лесу им было нельзя, и, как ни тянуло их остаться подольше вместе, они ускорили шаг. Только одним поцелуем обменялись ещё перед самым первым пунктом охраны землянки. И Ваня проникновенным шопотом сказал девушке на ухо:

— Вся жизнь... Понимаешь, всю жизнь одну... Милая, Тебя буду любить.

СТИХИ О РОДИНЕ

Сюда не попросту приходят люди,
Но — тихо и растроганно ступая.
Когда твой шаг родную землю будит,
А за спиной осталась даль чужая,—
Тогда волненьем ты и нежностью бескрайной
Охвачен весь: то — сердца голос тайный!
Встречаешься с отчизной, как с любимой,
Стоишь без слов, с простёртыми руками.
Ты радостью сражён неодолимой,
Ты счастье пьёшь короткими глотками,—
Как будто всё, всё, всё, чем ты дышал на свете,
Вернут тебе глаза сияющие эти.
Вот и большак — исхоженный, знакомый.
Цветочный ветер — нет блаженней ласки!—
Тебя встречает близ родного дома
И льнёт к тебе так нежно, так по-братски.
И песня ширится, и грудь вздыхает шире,—
Как будто обнял ты единственную в мире.
Тогда лишь спросим: где нашла ты силу
Сносить все скорби, родина святая?
Мы знаем: ты пощады не просила,
Но ненависть копила, побеждая,
Ту ненависть, что враг здесь рассеивал три года,—
Пусть бурю он пожнёт в сердцах народа!

Иоганнес Барбарус

Перевёл с эстонского Александр Кочетков

Всё лучшее, что есть в природе,
И всюду — где мы ни найдём,—
Как в русском повелось народе,
Мы красным искони зовём.
В доме всегда есть красный угол,
Почётный, праздничный, для тех,
Кто честь имеет быть нам другом
И в дни невзгод и в дни утех.
И девушку, какой не встретишь,
Хоть беги весь мир кругом,
Из тех, что лучше всех на свете,
Мы красной девицей зовём.
И площадь Красная издревле
Грославлена, вознесена!..
Есть даже красные деревья,
А на миру и смерть красна.
И наше знамя боевое
За силу вечной правды в нём,
Неугасимое, родное,
Мы красным знаменем зовём!

Аркадий Ситковский

В целом мире двух девушек нету,—
Есть только та, что рядом идёт, как солнца восход,
Есть только та, о которой вокруг всё поёт;
Каждая клетка шумит лишь об этой;
Сердце её неразрывно с тобой
Ночью и днём, в солнцепёк и зимой.
В целом мире двух Даугав¹ нету,—
Есть только та, что в России свой путь начала,
Есть только та, что прохладу в ключах взяла,
Море встречает её приветом.
Вечер в туманы её пеленает,
Горы и доли ей песни слагают.
В целом мире двух родин нету,—
Есть только та, где ты в зыбке качался вчера,
Есть только та, что лазурью встречала с утра,
Слава и честь твоя, гордость поэта.
Птицы в кустах распевают о ней,
В мыслях она, как янтарь среди камней.
Вот почему ты кровавое море можешь проплыть,
Вот почему тебя смерть не могла победить.
У человека ведь двух сердец нету!

Валдис Лукс

Перевёл с латышского К. Лаппи.

¹ Даугава — Западная Двина.

ОФИЦЕР Артиллерии

Текст полковника А. А. Попова

Фото П. Колл

Июль 1941 года.

Слушатель Артиллерийской ордена Ленина академии Красной Армии имени Дзержинского молодой капитан Ефим Матвеевич Белов вместе со своими товарищами был досрочно выпущен со 2-го курса академии и отправился на фронт.

От Сталинграда до Берлина — таков был героический боевой путь молодого офицера.

От командира дивизиона до командира гвардейской миномётной бригады — таков был служебный путь Белова, закончившего поход в звании полковника.

Донской, Воронежский, Карельский, Брянский, Киевский фронты слышали мощный голос гвардейских миномётов. Семь крупных рек пришлось преодолеть бригаде Белова.

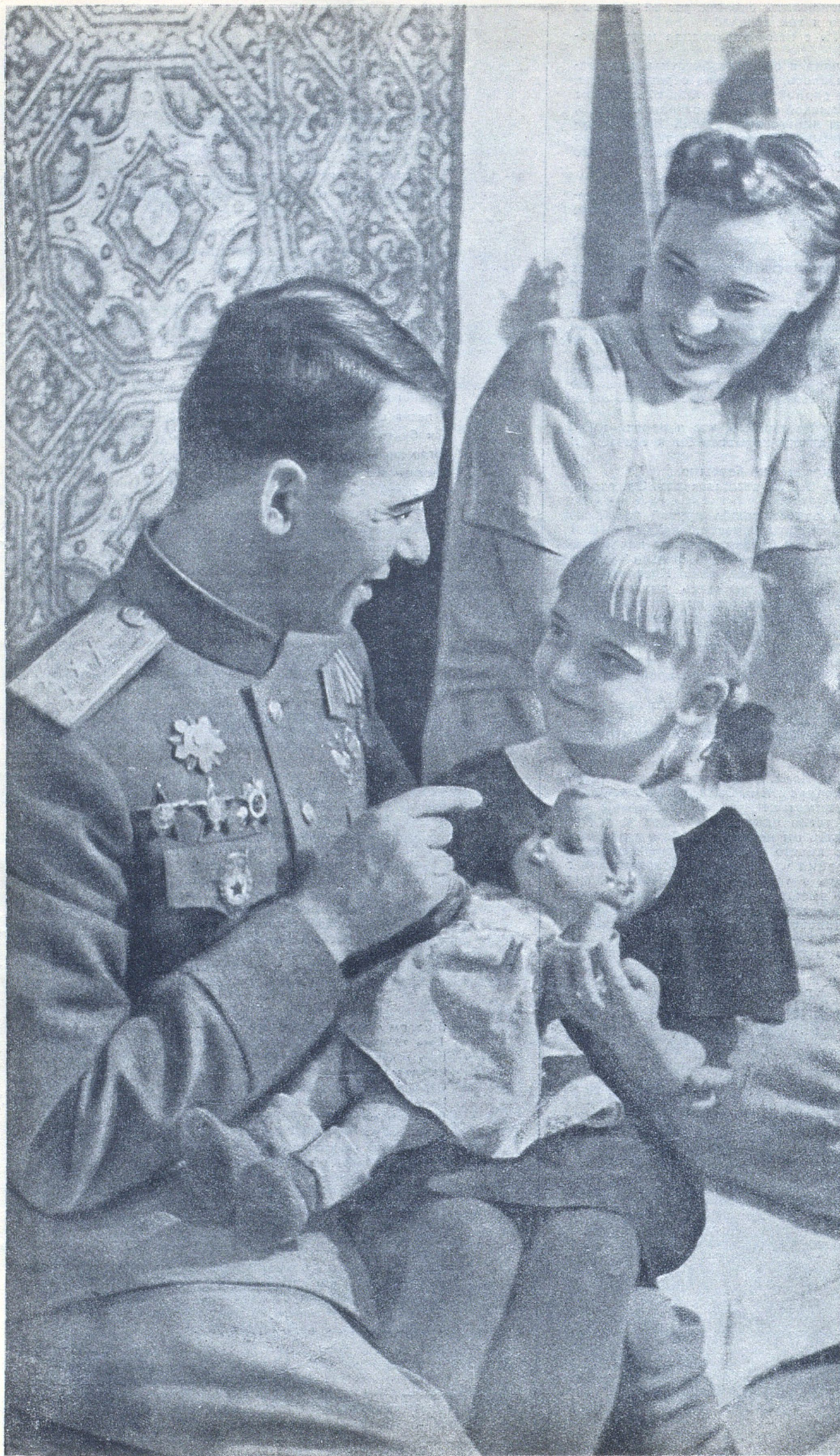
Тарнополь, именем которого названа бригада, Львов и Прага также радостно встретили славных советских артиллеристов. Немецкие города Гинденбург, Оппельн, Бреслау, Глейвиц, Гротгау, Дрезден и, наконец, Берлин содрогались от смертоносного огня миномётной бригады, которой командовал полковник Белов.

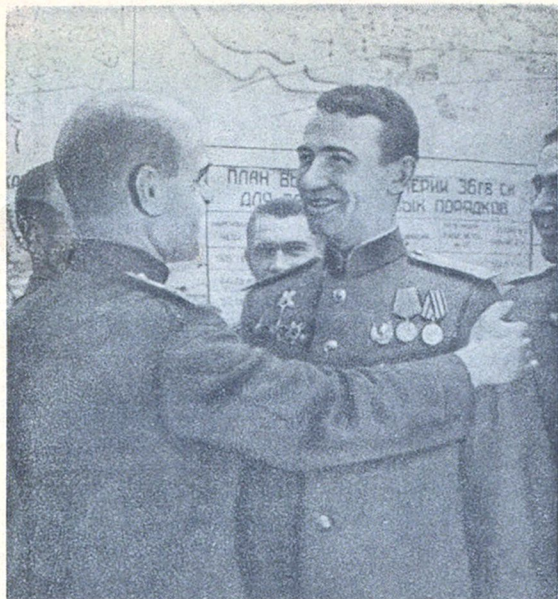
Окончилась война. Полковник Белов с честью выполнил свой долг перед Родиной. Орден Красного знамени, два ордена Красной звезды, орден Отечественной войны первой степени, орден Кутузова второй степени, медаль «За оборону Сталинграда» и медаль «За победу» украшают грудь молодого артиллериста.

Уже через 10 дней после великого дня Победы полковник Белов подаёт командованию рапорт о том, чтобы ему разрешили снова поступить на 3-й курс родной Артиллерийской академии.

Верный сын партии, артиллерист Белов хочет укрепить свой боевой опыт, стать одним из передовых командиров Красной Армии.

На снимке: полковник Белов со своей женой Анастасией Ивановной и дочкой Ларочкой,

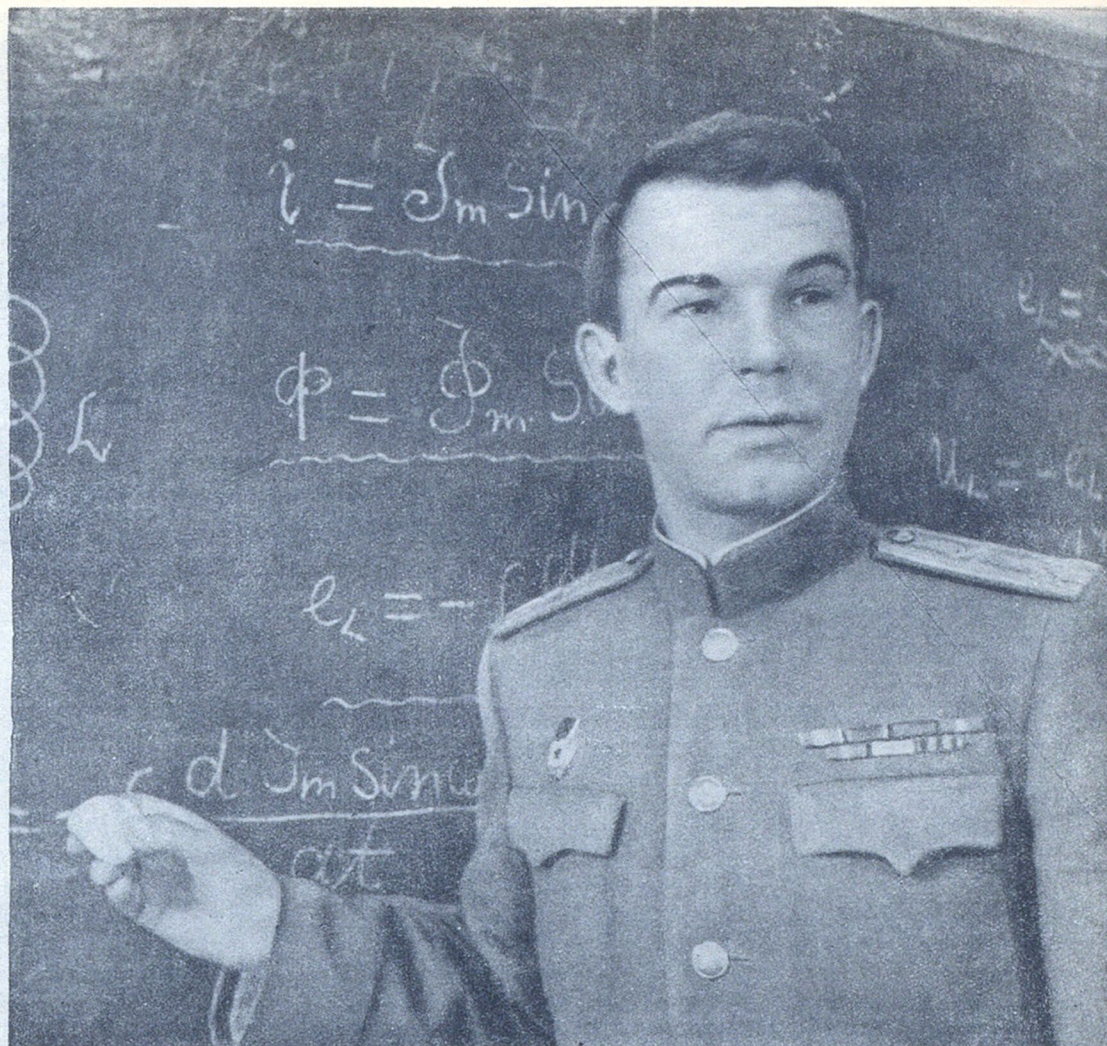

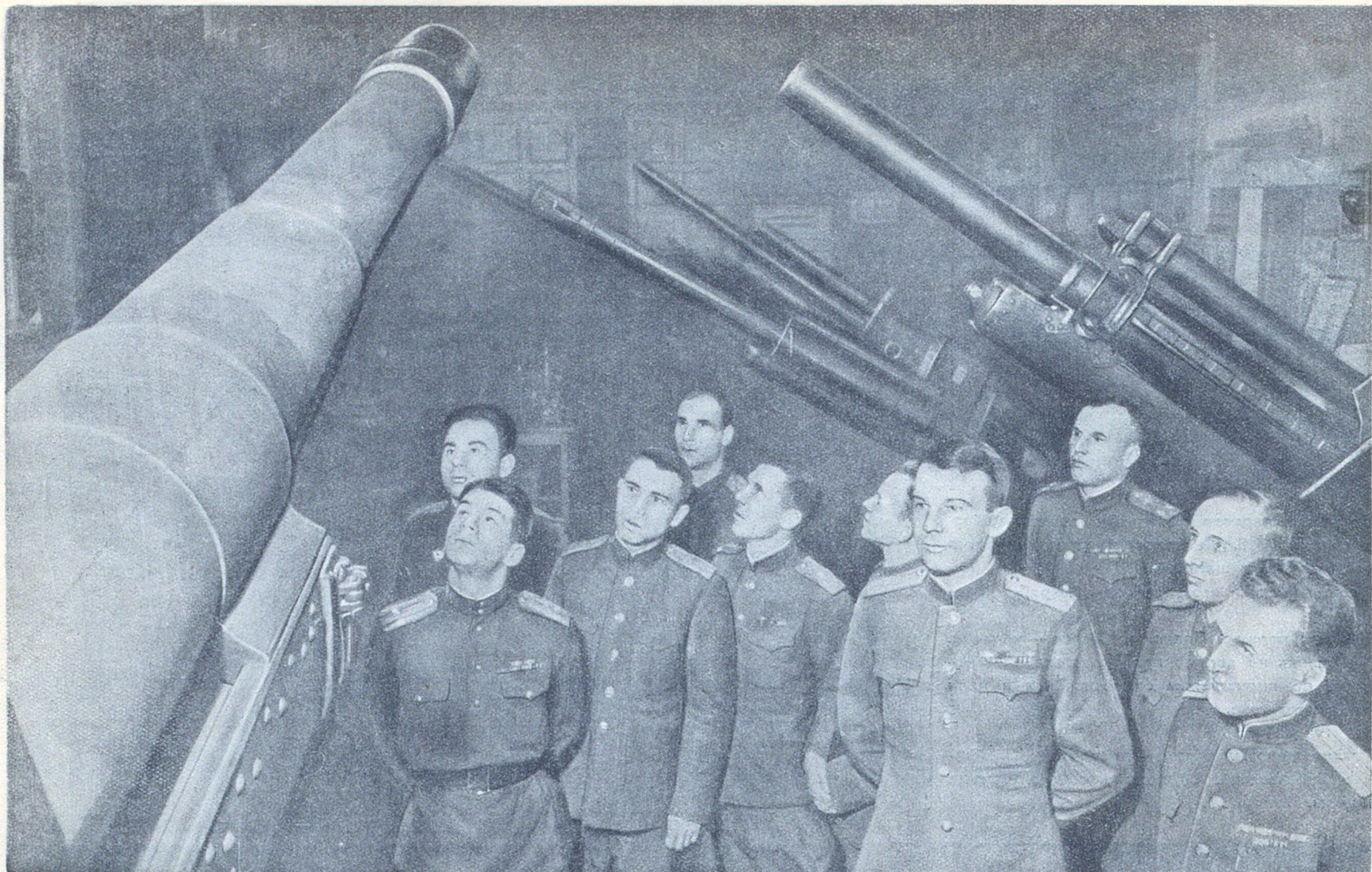
↑
Начальник первого факультета генерал-майор артиллерии В. Г. Дьяконов радостно встретил своих бывших слушателей.

Лучшие ученики его вернулись. За работу!

Всё, как прежде. Полковник Белов — у доски. Он отвечает на вопрос преподавателя электротехники об индуктивном сопротивлении в цепи переменного тока. →

↓
Слушают боевые друзья — полковники Шлейников и Зубачевский. Слушают молодые боевые офицеры.

Вот он, бог войны! Это его раскаты гремели от сталинградских степей до предместий Берлина. Молодые артиллеристы рассматривают хорошо знакомое боевое орудие.

↑

Офицеры возвращаются домой, обмениваясь впечатлениями учебного дня.

Но на вечер осталось ещё не мало работы. Организованность решает успех учёбы, как она решала успех боя. Артиллеристы, прошедшие школу войны, строги к себе. Полковник Белов готовится к завтрашнему заданию. Он работает до полуночи.

→

М. И. Поляков

Горький на Волге (гравюра на дереве).

Большое место в произведениях Горького занимает великая русская река. Художник изображает Алексея Максимовича на фоне волжского пейзажа.

«...Всё вокруг немного слинявшее, спокойное и трогательно-простое; всё так близко, понятно и мило душе. Смотришь на медленные, неуверенные изменения горного берега, на неизменную широту лугов, на зелёные хороводы леса... смотришь и думаешь, что не может быть на земле столь просто и ласково красивых мест, каковы вот эти тихие берега реки» (Горький «На пароходе»).

М. И. Поляков

Горький у Шаляпина.

Над одной из своих лучших ролей — ролью Бориса Годунова — Шаляпин работал очень долго. Гравюра Полякова «Горький у Шаляпина» передаёт встречу двух знаменитых русских людей. Шаляпин в костюме царя, без грима, рассказывает Горькому о своей работе над ролью.

М. И. Поляков

Горький, Репин, Стасов.

Горький и Репин познакомились в 1899 году. Спустя 5 лет в Пенатах Репин знакомит Горького со Стасовым. В письме к родным Стасов рассказывает о своей первой встрече с Горьким:

«...Кажется, он вначале что-то чуждался меня и с какой-то гордостью и неудовольствием относился ко мне. Кажется, он воображал себе, что я барин и чиновник,—а и тех и других он не выносит. Но вскоре всё переменялось, его угрюмость и скверное настроение улетели, как дым, и он сделался настоящим, самим собой. А сам собою он — прелестнейший, пречудесный...»

Гравюра М. И. Полякова изображает Горького, Репина и Стасова в мастерской художника.

Ф. Константинов

Пейзаж. Гравюра на дереве.

ВЕЛИКОЕ

Текст Б. Аганова

Фото С. Шнигарёва

ГРАЖДАНЕ СССР ИМЕЮТ ПРАВО НА ТРУД, ТО-ЕСТЬ ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ ГАРАНТИРОВАННОЙ РАБОТЫ С ОПЛАТОЙ ИХ ТРУДА В СООТВЕТСТВИИ С ЕГО КОЛИЧЕСТВОМ И КАЧЕСТВОМ.

ПРАВО НА ТРУД ОБЕСПЕЧИВАЕТСЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА, НЕУКЛОННЫМ РОСТОМ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА, УСТРАНЕНИЕМ ВОЗМОЖНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КРИЗИСОВ И ЛИКВИДАЦИЕЙ БЕЗРАБОТИЦЫ.

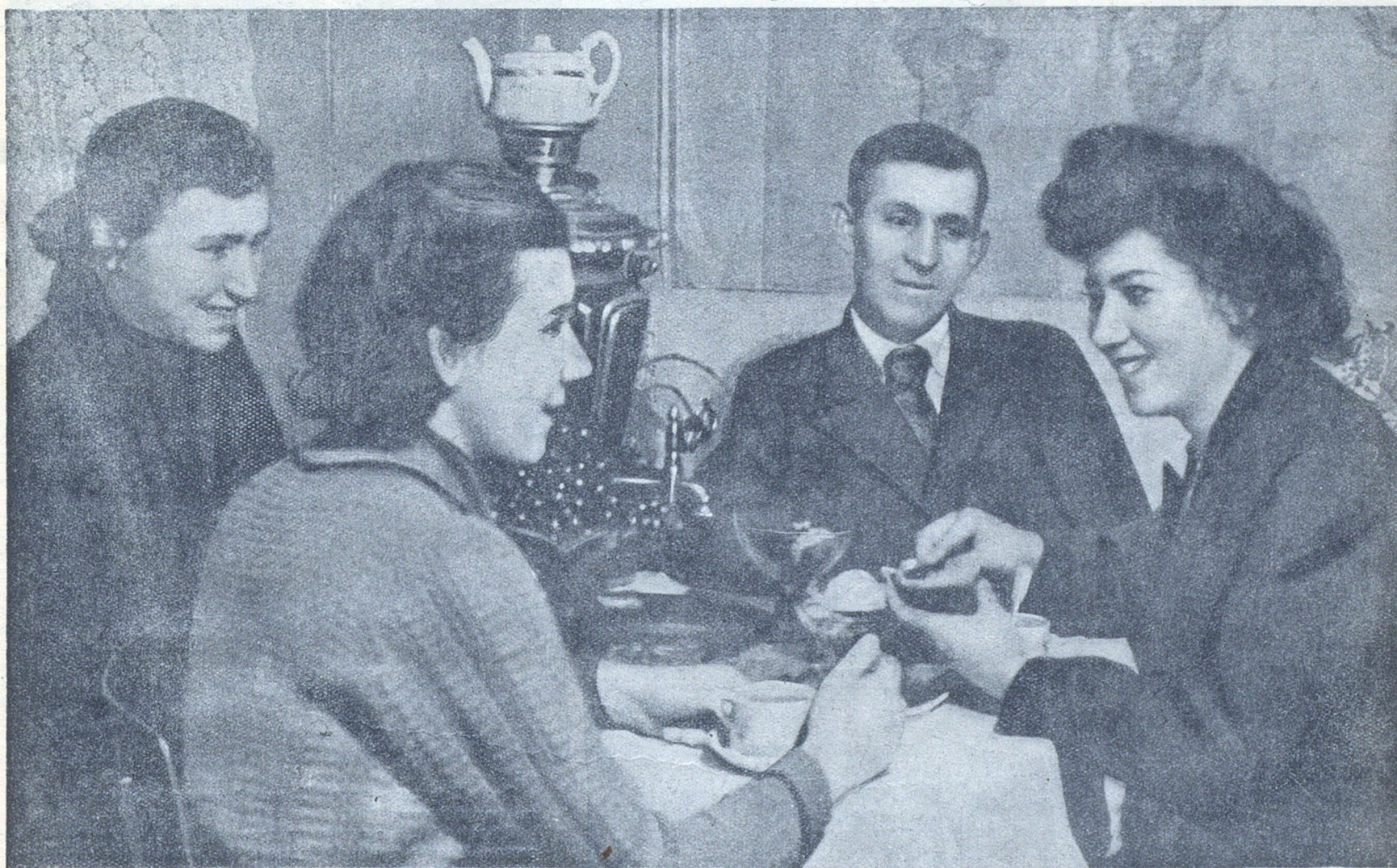
КОНСТИТУЦИЯ СССР
СТАТЬЯ 118

ПРАВО

Среди всех прав советского гражданина право на труд стоит на первом месте, ибо именно труд есть основа социалистического общества.

Ни одно государство в мире, кроме государства социалистического, не могло записать в своих законах, что оно гарантирует работу всем своим гражданам. Это противоречило бы основному закону всякого капиталистического общества, потому что при капитализме орудия и средства производства представляют «священную собственность» частных лиц. От воли этих лиц зависит дать или не дать людям работу. Государство, в лучшем случае, может только изобретать всякие полумеры для облегчения безработицы, вроде так называемых «общественных работ», «рабочих домов», филантропических обществ и т. д. Насколько действительны подобные «гарантии» труда, рабочий класс капиталистических стран уже изучил на своей спине в течение долгих лет, особенно — за последнее двадцатилетие.

Советский народ не знает безработицы. Война и послевоенное время ещё раз показали, на каком прочном, незыблемом фундаменте воздвигнуто здание Сталинской Конституции. По законам экономики буржуазного общества, сейчас, после войны, когда множество людей возвращается из армии к своей основной работе, а военное производство сокращается, возникновение безработицы неизбежно. Между тем у нас, в обществе социалистическом, никто не может констатировать даже малейшего признака этого страшного для рабочего класса явления. Как и до войны, каждый гражданин Советского Союза может быть уверен, что ему будет предоставлена возможность трудиться. Социалистическая организация хозяйства и неуклонный рост производительных сил Советской страны гарантируют работу всем способным к труду людям. Ещё раз на деле подтверждаются сказанные товарищем Сталиным слова о том, что Советская Конституция есть не обещание, а факт!

Эта простая семейная фотография говорит о многом, если знать кое-что об изображённых на ней людях. В глубине фото — старшее поколение — муж и жена Воронковы. Они вступили в жизнь задолго до Великой Октябрьской социалистической революции. Яков Егорович начал свой трудовой путь пятнадцатилетним юношей. На собственном горьком опыте постиг он, что такое безработица. Он скитался по ночлежным домам, голодал, обивал пороги хозяйчиков, надрывался в тяжёлой работе и страдал, теряя её. Александра Лазаревна жила в прислугах и узнала всю горечь зависимости от капризов «господ». Ей не позволяли даже видеться с мужем. Своего угла у них не было.

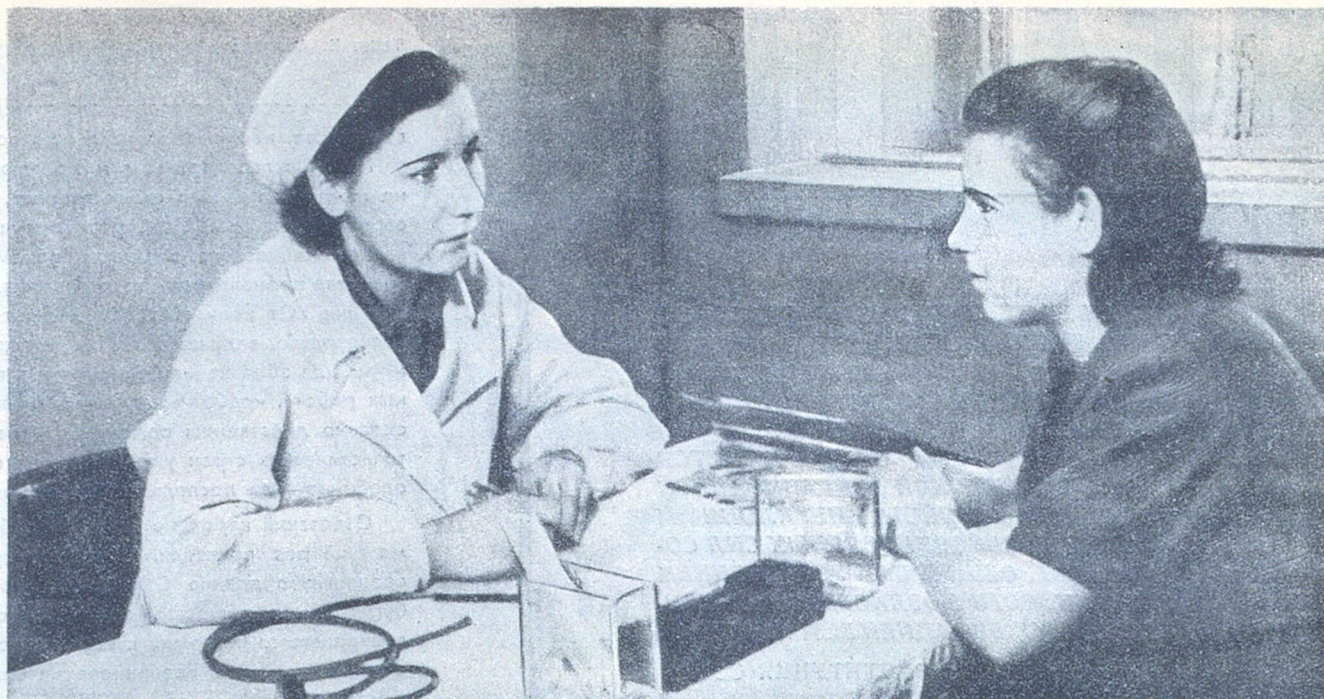
— На что мы могли рассчитывать в будущем? Ведь чудес не бывает. Мы были обречённые люди!

Но «чудо» совершилось. Это был Октябрь.

Великая Октябрьская социалистическая революция в корне изменила жизнь страны. Круто повернула она и жизнь Воронковых. Они получили прочное место под солнцем. Яков Егорович стал рабочим завода «Красный пролетарий», Александра Лазаревна поступила на тот же завод крановщицей. У них родились дети. Молодые Воронковы — их вы видите на переднем плане нашей фотографии — начали свою жизнь совсем не так, как старшие.

Зинаида Яковлевна Воронкова окончила Первый московский медицинский институт и сейчас работает врачом в Москве, в Первой Градской больнице. У неё уже своя семья: муж, мастер на заводе Ильича, и маленький ребёнок. Зинаида Яковлевна — представитель советской интеллигенции, которую создал и вырастил рабочий класс нашей страны.

Валентина Яковлевна Воронкова учится на 4-м курсе биологического факультета Московского государственного университета. Скоро она будет биологом. Может быть, идя на лекции, Валентина Яковлевна и не думает вовсе о том, что обязана этим великой победе, которую одержали русские рабочие и крестьяне ещё до того, как она появилась на свет. Но так же твёрдо, как биологию, знает она биографию своих родителей. И это знание научило её любить и ценить каждую малость в родной стране.

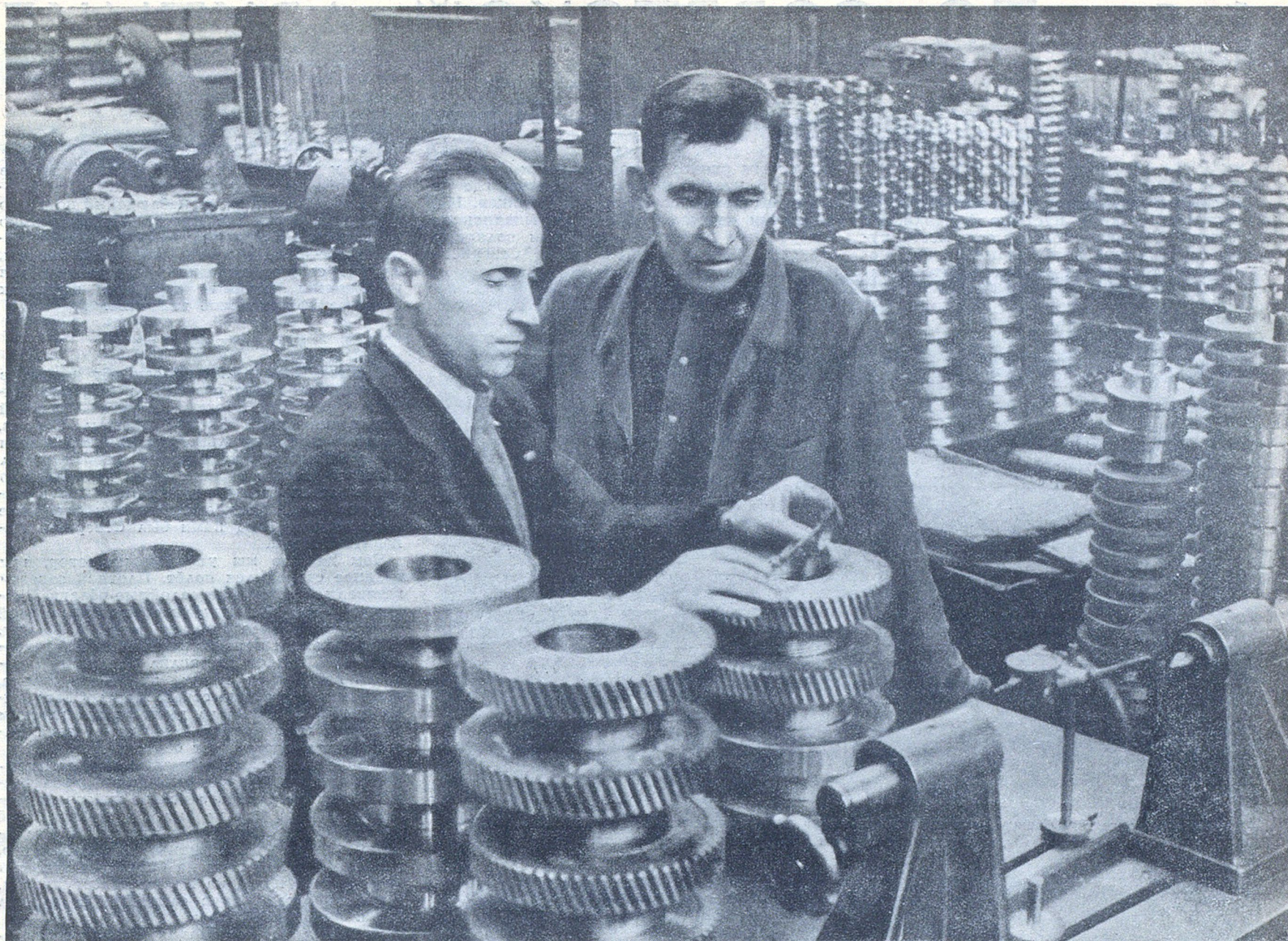
Яков Егорович — член большой семьи рабочих «Красного пролетария».

Вот он вместе с одним из своих друзей по заводу — Лазарем Михайловичем Райхером. Товарищ Райхер, заместитель начальника цеха, уже пятнадцать лет руководит работой Воронкова. Оба они знают, в чём секрет успеха.

— Любить надо своё дело и свой завод, — говорит Яков Егорович. — Ведь они нам принадлежат, не чужому человеку!

Право на труд — почётное право. И этот почёт надо оправдать.

— Долбит мой станок шестерёнку, а я в это время его долблю в мыслях: «Нельзя ли, чтоб он работал скорее и лучше?» Глядишь, и выдолблю новый приём. И вместо одной шестерёнки в такой же срок делаю три.

Через руки Воронкова прошли тысячи деталей самых разнообразных станков. За отличную работу он награждён орденом Ленина. Начальник ОТК Кутаренков Николай Степанович, принимая продукцию Воронкова, обычно говорит с удовлетворением:

— Попал в микрон, Яков Егорыч!

Николай Степанович — тоже интересный человек. Он принадлежит к тем не знающим покоя советским людям, которые обрабатывают себя, как хороший мастер обрабатывает деталь. Он поступил на завод 21 год тому назад простым слесарем. Потом выдвинулся, стал помощником мастера. Тут он увидел, что — как любят говорить стахановцы — «это ещё далеко не предел», и пошёл учиться в Вечерний машиностроительный институт. Из одного дня Николай Степанович научился делать два, деля каждый между заводом и институтом.

— Лиха беда — начало, а после полегчало!

Трудно было, но он втянулся и пять лет шлифовал себя. Стал инженером. Теперь инженер Кутаренков — один из лучших специалистов завода.

Этим знаменем отменила страна замечательные достижения завода «Красный пролетарий».

Этой грамотой отметил завод достижения одного из своих рабочих — Я. Е. Воронкова.

Миллионы таких людей, как Воронков, составляют рабочий класс Советского Союза.

Класс, который завоевал себе право на труд и оправдал это право, построив социализм на одной шестой части мира.

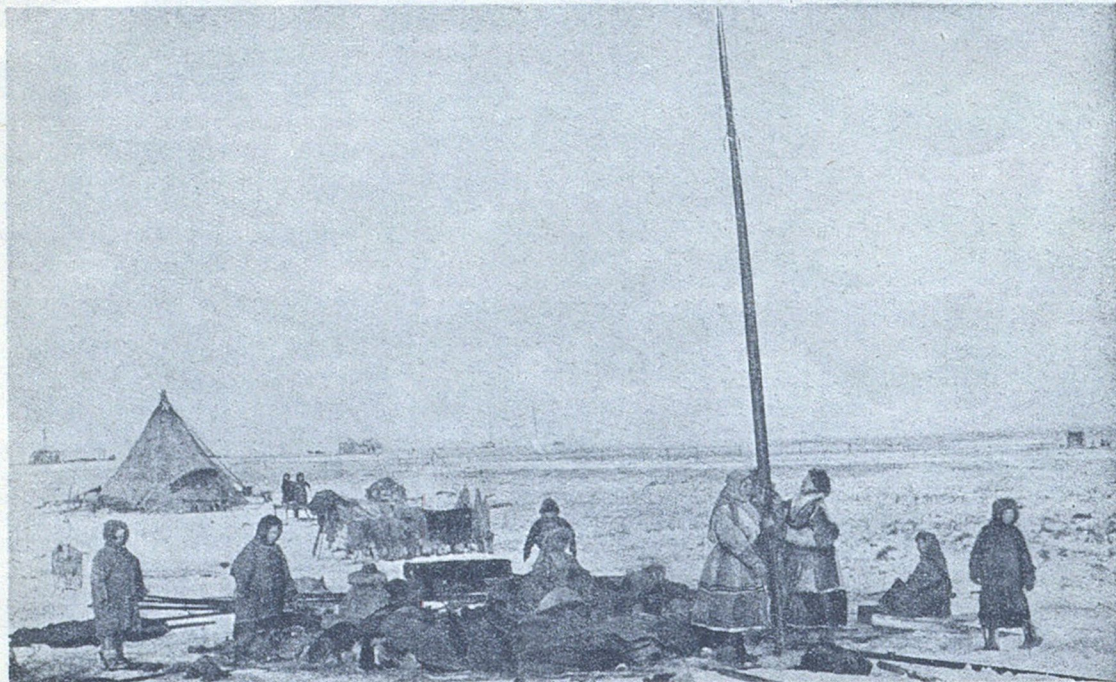

С. Бессуднов

ОАЗИСЫ ЖИЗНИ

На тысячи километров с запада на восток раскинулась суровая пустыня Арктики. На побережье Ледовитого океана есть места, куда не ступала ещё нога отважного путешественника, труженика науки, искателя но-

ледовитом океане и мало-мальски примечательного уголка на его побережье, где не стоял бы домик советских полярников. Маленькими оазисами жизни рассыпаны по безбрежным просторам Арктики полярные станции Главного управления Северного морского пути.

В тундре наступила зима. Ненцы колхоза «Нарьян-Кара» снимаются с летнего становища и, свёртывая чумы, готовятся к отъезду в тундру на промысел песка.

Мыс Челюскина. Самолёт ещё был в воздухе, а к месту посадки уже бежали собаки упряжки. Как только машина приземлилась, сразу же началась разгрузка. Бочку с бензином клали на лёгкие нарты, и по сигналу каюра семёрка упитанных северных собак дружно брала груз с места.

Фото С. Бессуднова

вых земель и ископаемых богатств. Есть широты, где и сейчас не найдёшь ни ненца, ни эвенка, ни якута. Там не произрастает мох, без которого не может жить кормилец человека — северный олень. Туда не заходит песец — ценнейший полярный зверёк, дающий охотнику средства к существованию.

Но почти нет сейчас острова в Северном

Обширен и разнообразен круг забот жителей полярных станций, разбросанных от наших границ с Норвегией до берегов Аляски. Круглые сутки во все времена года они ведут наблюдения над атмосферой, измеряют давление, температуру воздуха и морской воды на разных глубинах, определяют характер облачности, следят за поведением

льдов и морских течений. Каждый день в определённые часы полярные станции передают результаты своих наблюдений по радио в Москву. Здесь все эти данные тщательно изучаются. По одним из них опытные синоптики составляют карты прогнозов погоды, другие служат исходным материалом для разрешения научных проблем, имеющих большое практическое значение.

ЛЮДИ ОТВАГИ И РИСКА

С мыса Челюскин наш самолёт уходил в глубокую ледовую разведку в высокие широты Арктики. Обогнув берега Северной земли, полярный лётчик Михаил Титлов, человек исключительной работоспособности и огромного самообладания, уверенно вёл машину. Чистое зеркало воды вскоре стало покрываться белыми пятнами льдин и айсбергов, а потом превратилось в сплошное ледяное поле. Под нами был Северный Ледовитый океан.

Чем дальше мы уходили на север, тем труднее становился полёт. Плотный завесой вставали на пути многослойные облака. Плоскости самолёта начали обрастать коркой льда; она давила машину вниз, в бездну. Колоссальным напряжением воли и физических сил Титлов заставлял воздушный корабль взбираться вверх, пробивать облака, выходить к границе стратосферы. Сдавливало виски, нечем было дышать; мы глотали кислород из баллонов. Надо спускаться ниже. Но там снова ждёт обледенение.

В зоне магнитных аномалий отказали компасы. Сумрак полярной ночи не давал возможности ориентироваться по небесным светилам: солнца уже не было, а звёзды ещё не появлялись. Выручило мастерство Валентина Аккуратова. Опытный аэронавигатор, летавший в 1937 году на Северный полюс и четыре года назад на Полюс недоступности, точно определил курс самолёта и привёл его к намеченной цели.

Пробыв около шестнадцати часов в воздухе, мы глубокой ночью опустились в Чокурдахе — посёлке на берегу реки Индигирки, в ста пятидесяти километрах от её впадения в Восточно-Сибирское море. Здесь, на севере Якутии, обосновалась станция Главсевморпути. Основное назначение её — обеспечивать радиосвязь и данными о погоде находящиеся в воздухе самолёты, снабжать их горючим, когда они заходят сюда, предоставлять кров и пищу экипажам и пассажирам. Одновременно коллектив проводит и все те научные наблюдения, которые возлагаются на каждую полярную станцию.

Из Чокурдахи мы после полёта на ледоруж разведку в море Лаптевых перекочевали на полуостров Кара-Тумус — северозападную окраину Якутии, грушевидным телом вдающуюся в Хатангский залив. Здешняя станция носит название мыса Косистого, на котором она расположилась, окружённая с трёх сторон водой. Полярники живут в доме, напоминающем своим внешним видом сельскую больницу. Да и сам начальник базы Владимир Сергеевич Казанский всем обликом, простотой обращения и немного застенчивыми манерами скорее похож на сельского врача или учителя. Между тем за день до нашего прилёта этот скромный человек совершил акт подлинного героизма.

Накануне к Косистому подошёл катер, доставивший для полярников продукты из бухты Кожевникова. К самому берегу катер пристать не мог, и Казанский выслал к нему шлюпку с Шекеиным и Вечерриным. Те складывали продукты в шлюпку, а затем люди, оставшиеся на берегу, верёвкой подтягивали её к мысу. На третьем рейсе верёвка оборвалась, едва шлюпка успела отчалить от катера.

Тем временем надвинулась ночь. Усилившийся мороз стремительно сковывал льдом последние полыньи. Люди, сидевшие в шлюпке, могли погибнуть.

Быстро приняв решение, Казанский взял две доски, положил одну из них на лёд, лёг на неё и, прижав к себе другую, пополз. Добравшись до противоположного конца, он выбросил вперёд доску, которую тащил за собой, и переполз на неё. Так, передвигая доски, он постепенно переползал всё дальше. Зыбкий, движущийся лёд оседал под тяжестью его тела, проступавшая снизу колюче-холодная вода заливала доску, а временами накрывала и всего человека. Но Казанский всё полз и полз, крепко сжимая правой рукой спасительную верёвку.

Наконец, триста метров, отделявшие его от шлюпки, были пройдены. Казанский подал товарищам конец верёвки и сам взобрался в шлюпку, промокший до костей и совершенно обессиленный. Полярники, с тревогой наблюдавшие за этим единоборством человека со стихией, завели трактор и с помощью верёвки подтянули шлюпку к берегу. Люди и продукты были спасены.

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

На островах арктических морей полярники являются единственными жителями. Да и на побережье материка полярные станции обычно располагаются в таких местах, куда не заходят постоянные обитатели тундры. Одно из редких исключений представляет посёлок на берегу Карской губы, куда мы прибыли с мыса Косистого.

Посёлок имеет необычный вид: вперемежку с домами русского типа здесь стоят островерхие ненецкие чумы. Русские ребяташки в белых шубках и валенках катаются на санках вместе с детьми Севера, одетыми в маленькие оленьи пимы и длинные до пят малицы. Полярники живут в большой дружбе с местным населением, показывают кинофильмы, читают газеты, проводят беседы по самым различным вопросам. Для ненецких детей в посёлке организована начальная школа с интернатом. Есть медицинский пункт, в который охотно обращаются за помощью ненцы.

Со своей стороны ненцы никогда не отказывают полярникам в помощи. Если нужно, выделают людей расчищать от снега посадочную площадку, помогут привезти воду, заготовить дрова. Лесов здесь нет на сотни километров вокруг. Топливом приходится обеспечиваться за счёт плавника — брёвен, которые выбрасываются реками Сибири и Урала в Карское море. Общими усилиями полярники и местные жители собирают плавник в Карской и Байдарацкой губах, сбивают его в плоты и на буксире катера пригоняют в посёлок. Это очень трудоёмкая работа, требующая большого умения и риска.

Недавно начальник полярной базы Александр Кузнецов, москвич, в прошлом рабочий завода имени Авиахима, взяв с собою шестерых ненцев и трёх полярников, на катерах отправился за дровами на остров Торосовой — в 50 километрах от посёлка. Там они сплотили брёвна и подготовили их к отправке. Внезапно начался шторм, восточным ветром выгнало воду — и катер оказался на мели. Продукты на катере были, но хлеба оставалось только на два дня, а помощь могла прийти не скоро.

Не теряя времени, Кузнецов послал радиста Плешакова в посёлок известить о случившемся, а сам отправился пешком в ненецкое становище Яры, в надежде раздобыть там хлеба. В дороге его застала пурга. С большим трудом Кузнецов преодолел 35 километров, отделявшие его от становища. Вот уже видны чумы. Оставалось переправиться с острова на берег, на котором стояли Яры. Но как и на чём?

Кузнецов зажёл имевшуюся у него книгу и, пользуясь ею как факелом, стал подавать сигналы. Но на том берегу не было заметно никакого движения. Тогда он зажёл полотенце и повторил сигнал. И снова становище не подавало признаков жизни. Как потом выяснилось, все ненцы отправились на лодках ловить рыбу. В становище осталась лишь беспомощная старуха, которая, если бы даже и заметила сигналы Кузнецова, ничего не смогла бы для него сделать.

На обратную дорогу у Кузнецова не хватило сил. Мокрая одежда на холодном ветру превратилась в железные рыцарские доспе-

хи, всё тело коченело. Приближалась ночь, а вокруг ни дерева, ни ямы, где можно было бы хоть немного укрыться от пронизывающего, ледяного ветра.

Немного подождав, Кузнецов снял с себя рубашку, зажёл её и опять начал подавать сигналы. На этот раз возвратившиеся рыбаки заметили его и послали лодку. Он отогрелся, попросил муки, сам испёк хлеба и, переночевав, на лодке отправился к катеру.

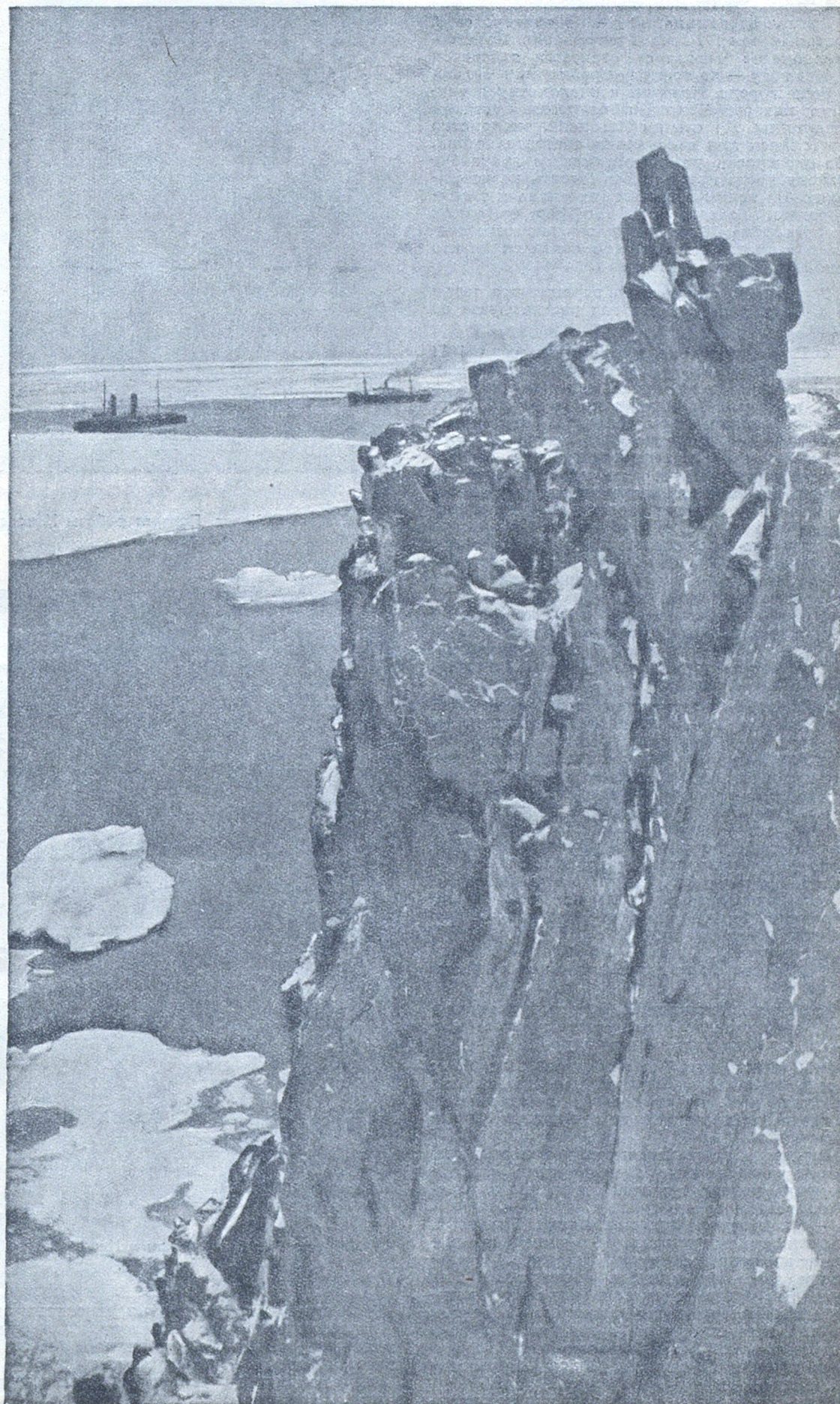
Тем временем Плешаков добрался до посёлка, по радио дал знать о случившемся полярному лётчику Крузе, и тот, захватив

продовольствие, сбросил его с самолёта потерпевшим бедствие. Вскоре поднялся западный ветер, пришла большая вода и катер, снявшись с мели, пошёл на поиски Кузнецова. Они встретились — лодка и катер — в Байдарацкой губе.

Так благополучно закончилась эта эпопея, одна из тех, которыми так полна суровая, напряжённая жизнь советских полярников.

Октябрь, 1945 год.

репортаж
«ОГОНЬКА»

Караван судов на траверзе мыса Шмидта.

Фото Д. Дебазова

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ЧЕХОВЕ

Воспоминания П. Г. Розанова

Воспоминания П. Г. Розанова о Чехове, хранящиеся в Центральном государственном литературном архиве, охватывают ранний период жизни писателя, его молодые годы (1884—1886). Молодой Чехов только что окончил медицинский факультет Московского университета и проводил летние каникулы под Москвой.

Автор воспоминаний — звенигородский уездный врач Павел Григорьевич Розанов. Знакомство Чехова с Розановым относится к 1884 году — ко времени пребывания Чехова в Звенигороде. Поводом к знакомству послужил интерес Чехова к вопросам судебной медицины. По словам Розанова, знакомство состоялось при следующих обстоятельствах. По должности уездного земского врача Розанову часто приходилось бывать на вскрытиях. На этих же вскрытиях бывал и звенигородский следователь Шеффер со своим «секретарём». Как выяснилось впоследствии, этим секретарём-любителем оказался ни кто иной, как Антон Павлович.

Завязалось знакомство, перешедшее затем в дружбу. Сам Розанов так рассказывает об этом:

«...Приблизительно в половине июня 1884 года М. И. Шеффер, проживавший постоянно в Воскресенске, писал мне в Звенигород, что, мол, у них объявился «молодой врач Чехов, который желал бы ездить на судебно-медицинские вскрытия». Я поспешил дать согласие, имея в виду, признаюсь, своекорыстную мысль: авось-де молодой врач не откажется заменить меня по второму следовательскому участку, к стати сказать, очень отдалённому от Звенигорода, в котором я обязан был проживать. ...После означенной переписки знакомство наше завязалось довольно быстро. 18 июня в моих руках был уже экземпляр чеховских «Сказок Мельпомены» с автографом: «Уважаемому коллеге, не раз вкушавшему сладость авторства... и проч. — На добрую память от автора А. Чехова». Что же представлял собой в то время Антон Павлович?

По первому впечатлению, это был молодой человек лет 24—25, выше среднего роста, застенчивых и безыскусственных манер, ходивший (летом) в широкой разлеталке («крылатке») и шляпе с широкими полями, иногда спущенной немного на затылок. Открытый, умеренно высокий лоб, слегка как бы лоснящийся, с немного выпуклыми лобными буграми, умеренно развитый, правильный нос, добродушно светлокариые глаза... Волосы на голове имел русые, низко подстриженные, брови прямые, темнорусые, на усах, что называется, переход от пушка к «перьям» и бородку с самою ограниченной нежною растительностью. Голос — мягкий бархатный бас и сочная, благодушная юношеская улыбка...»

«...Как-то, коснувшись докторских экзаменов, диссертаций, приват-доцентуры и прочего, А. П. поставил такой вопрос:

— Скажите, что бы вы сделали на моём месте: остались ли бы врачом и отдались исключительно практической деятельности, или, наоборот, медицине предпочли бы литературу?

Помню, я даже переспросил его, серьёзно ли он задаётся подобным вопросом, и когда получил утвердительный ответ, сказал приблизительно следующее:

— Знаменитым врачом, Антон Павлович, вы никогда не были бы. Да и что такое «знаменитый врач»? Возьмите Захарьина, Остроумова: пока они живы и «практикуют», их знает вся Москва и отчасти, быть может, лечущая Россия, зато после смерти, даже в своём городе, их имена скоро забудутся. С другой стороны, если бы вы сделали даже не первым по рангу писателем, Чехова, без сомнения, знала бы вся читающая Россия.

Не могу сказать, какое впечатление получил А. П. от этого ответа, но только впоследствии никогда уже не возвращался к этой теме...

Антон Павлович Чехов. Портрет работы Николая Чехова.

Братья Чеховы — Антон и Николай.

Даже ввиду улыбающейся перспективы литературной известности Чехову жаль было расстаться, порвать с медициной. Да он и сам намекает на эту свою двойственность.

Вопрос о «страсти» как творческом темпераменте, о слиянии художника и исследователя, медика и писателя, как известно, сильно занимал Чехова. Он неоднократно обращался к этой теме в своих письмах друзьям и

близким: сознание того, что «у него два дела, а не одно», признавался Чехов, придавало ему бодрости и удовольствия собой; однако не забывал он и огромной роли полученного им в Университете медицинского образования.

«— Не сомневаюсь, — решительно заявлял Чехов о себе в письме к Г. И. Россолимо 11 октября 1899 года, — занятия медицинскими науками имели серьёзное влияние на мою литературную деятельность, — они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как писателя, может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок».

Говоря о дальнейшей карьере Чехова, как врача, Розанов приходит к убеждению, что «бесспорно, он мог быть весьма сведущим и талантливым практическим врачом».

В воспоминаниях Розанова имеются интересные сведения о пребывании Чехова в Звенигороде.

Проведя лето 1884 года под Воскресенском, Чеховы на следующий год составили план поселиться в Звенигороде. Желая устроиться где-нибудь вне городской черты («нанять дачу в самом городе я не хочу в силу каких-либо гигиено-экономо-политических соображений»), Чехов остановился на домике, который стоял вторым от конца улицы, идущей в направлении монастыря.

«С переездом в Звенигород, у Антона Павловича должны были завязаться новые знакомства... Чтобы, однако, не стеснять этих, по большей части семейных людей, принято было летом собираться под открытым небом, перед чьим-нибудь домиком. Особенно удобна была для этого Безымянная улица, что идёт под углом к приходской церкви по направлению к Воскресенску... Мостовой здесь не полагалось; полотно дороги, кроме узенькой наезженной полоски на середине, поросло муравой. Здесь-то, на травке, чаще всего и собиралась звенигородская молодёжь, рассаживаясь на вынесенных стульях и скамейках, а не то и на приступках лестниц. Такие вечера довольно охотно посещал Антон Павлович, нередко получая здесь материал для своих рассказов. Время проходило в разговорах, шутках, рассказах. Иногда из раскрытых окон Гамбурцевского дома раздавалось под аккомпанемент пианино пение старшей Гамбурцевой. В двенадцатом часу компания обыкновенно расходилась по домам. Вспоминаю, между прочим, как на один из таких вечеров Антон Павлович не вышел (это было, следовательно, летом 1885 года, что особо заслуживает быть отмеченным), известив меня, что он не будет у Гамбурцевых по причине обнаружившегося у него кровохарканья».

Нередко, возвращаясь с Антоном Павловичем с таких «посиделок», мы заходили ко мне, и тут разговоры наши надолго затягивались. Здесь, между прочим, мечтали мы об издании газеты «Фельдшер» или «Врачебный быт», о которой впоследствии то и дело напоминал мне в своих письмах Антон Павлович.

«Не забывайте про «Фельдшера». Насчёт «Врачебного быта» я беседовал в Питере со сведущими людьми».

Здесь дебатировали с ним вопрос о министерстве здравоохранения, доклад о котором, год спустя, я читал на втором Пироговском съезде врачей.

«Я слушал Ваш реферат на съезде. — писал по этому поводу Антон Павлович. — Вопрос, затронутый Вами, почтенен, и я радвался за Вас, хотя досадовал, что Вы писали реферат без помощи какого-нибудь учёного юриста-законоведа. Впрочем об этом поговорим...»

Увы, ни в тот момент, ни впоследствии мне не суждено было увидеться с Антоном Павловичем, хотя, как он писал из Ялты 27 декабря 1899 года, т. е. за три с половиной года до смерти, он «частенько вспоминал» обо мне и «издавал следил за (моєю) деятельностью». Но, если А. П. меня «вспоминал», — я всегда его любил: так он был обаятелен и мил».

И. ФЕДОРОВ

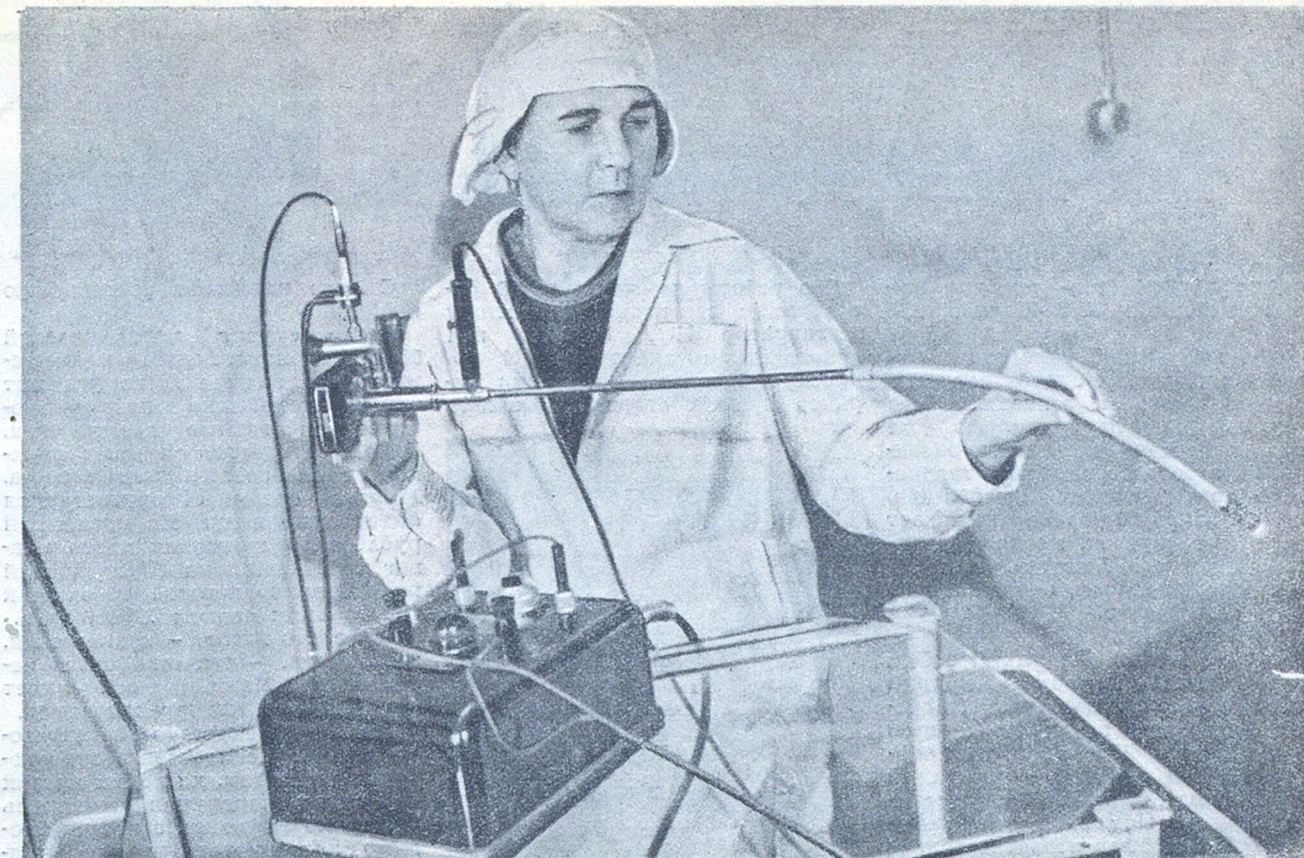
Фотографирование ж е л у д к а

К врачу пришёл больной. Он жалуется на тошноты, боль в желудке, частые рвоты, кровотечения. Врач настораживается: он подозревает язву или рак желудка.

На протяжении многих десятилетий врачебная мысль была направлена на поиски наиболее совершенных методов раннего распознавания гастрита (катар желудка), язвы желудка и рака: чем раньше обнаружить начавшийся процесс заболевания, тем легче его лечить, предупредить его развитие.

До открытия рентгеновых лучей основным методом исследования таких больных был анализ желудочного сока, который специальным зондом извлекался из желудка больного. Повышенная или пониженная кислотность желудочного сока и содержание фермента в нём в совокупности с другими симптомами позволяли врачу более или менее правильно определить наличие и характер желудочного заболевания. Но, как правило, это удавалось в тех случаях, когда болезнь уже далеко зашла.

Открытие рентгеновых лучей явилось важным шагом в направлении более ранней и более точной диагностики язвы и рака желудка. Но и открытие рентгеновых лучей неполностью разрешило проблему раннего распознавания заболеваний желудка. Рентгеновы лучи, во-первых, да-

Гастроскоп эластичный.

ют только изображение силуэтов, игру светотеней, а не истинное изображение структуры органа и происшедших патологических изменений в нём. Во-вторых, в большинстве своём лучи способны обнаружить уже начавшийся процесс. И, наконец, гастриты

обычно рентгенологически не обнаруживаются.

Вот почему врачи мечтали о конструкции такого прибора, при помощи которого они могли бы своими глазами видеть всё, что происходит в желудке человека.

Около восьмидесяти лет тому назад был сконструирован первый гастроскоп. Однако вследствие несовершенства освещения врачу трудно было видеть, что происходит в желудке больного.

В 1907 году сконструировали более совершенный металлический, негибкий гастроскоп. Но и этим гастроскопом пользоваться было трудно и небезопасно.

Врачи вместе с оптиками упорно работали над конструкцией эластичного гастроскопа. Теперь такой гастроскоп существует и им широко пользуются в ряде клиник. Состоит он из эластичной трубки, внутри которой находится 23 линзы с коротким фокусным расстоянием. На свободном конце этой трубки находится оптическая призма с электрической лампочкой. Линзы так расположены, что сгибание гастроскопа в пределах угла до 34° не искажает правильности изображения. В металлической части гастроскопа имеются четыре линзы, а у наружной части — окуляр.

Во время обследования врач вводит гастроскоп через пищевод в желудок больного. Прибор этот включается в трансформатор, который энергией осветительной сети напряжением в 110 вольт превращает в 20 вольт. Нажимается кнопка, зажигается лампочка, и врач через окуляр хорошо видит поверхность желудка.

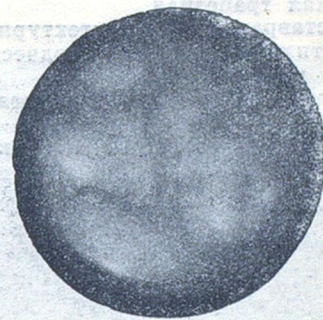
Но и в таком виде гастроскоп не полностью удовлетворял врачей, которые стремились к тому, чтобы документировать процесс болезни, зафиксировать на плёнке патологические изменения, происшедшие на отдельных участках желудка.

В настоящее время и эта проблема в значительной мере разрешена. Для фотографирования желудка к окуляру прикрепляется специальный фотоаппарат типа

«Лейки», который заряжается плёнкой очень высокой чувствительности, так как съёмка производится с экспозицией в одну секунду.

Если при обследовании лампочка освещается силой в 20 свечей, то при съёмке сила освещения автоматически удваивается; после включения затвора аппарата сопротивление тока удваивается.

Гастрофотография ещё не полностью удовлетворяет врачей. Она двухцветна и, следовательно, не даёт истинного представления

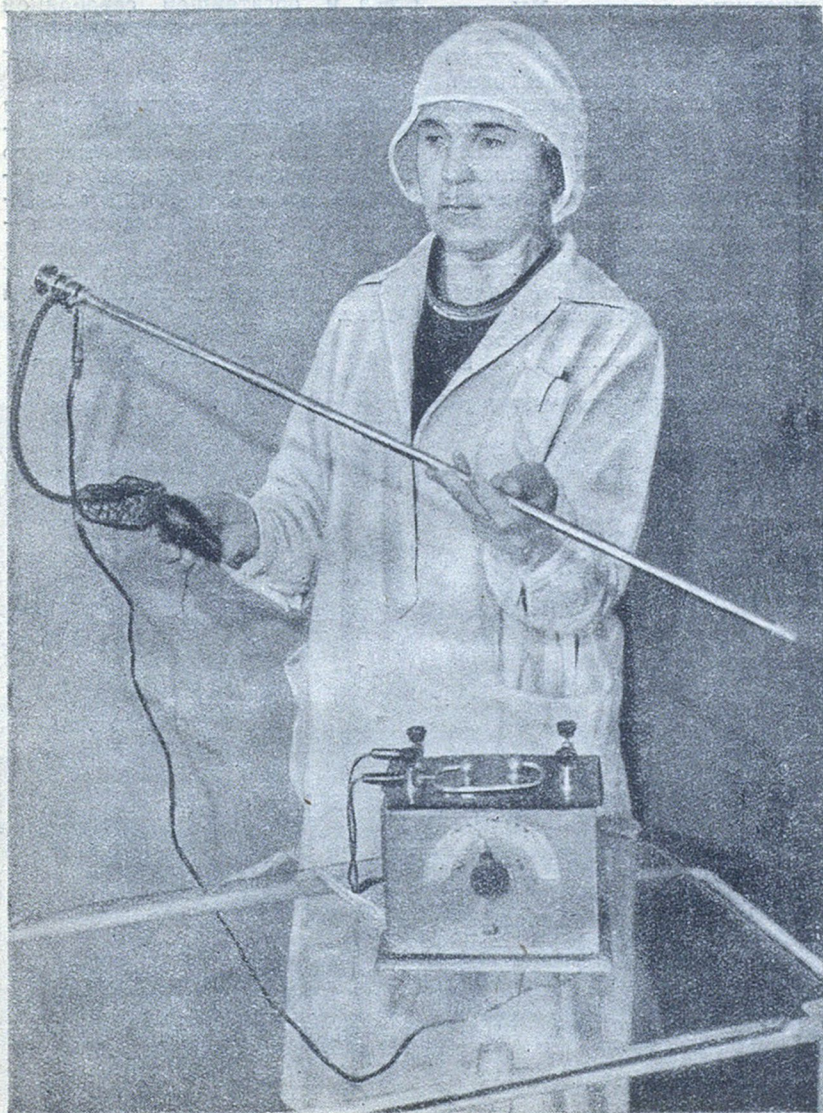
Снимок узлов опухоли при раке желудка.

об изменениях и оттенках окраски слизистой оболочки желудка, что существенно важно для правильной диагностики различных форм заболеваний желудка.

Специалисты в области гастрофотографии сейчас много работают над применением цветной фотографии желудка. Усовершенствования, которые уже имеются в этой области, дают весьма обнадеживающие результаты.

В факультетской терапевтической клинике Первого московского медицинского института, которую возглавляет профессор В. Н. Виноградов, ассистент Н. М. Фунт провёл свыше 700 обследований эластичным гастроскопом, и во всех случаях обследования дали очень хорошие результаты.

И. ГЕЙЗЕР

Гастроскоп твёрдый.

Фото В. Мальберг

АНДРЕЙ РУБЛЁВ

Андрей Рублёв — русский живописец конца XIV — начала XV века.

Инок Троице-Сергиевского монастыря, он стал основателем московской школы живописи. Его учителями были греки. Но уже одно сопоставление их произведений говорит о глубокой творческой оригинальности художника.

Иконописец Рублёв поражает гармонией красок, мягкостью линий «русского Джотто». Имя его стало легендарным, подражателей было множество.

Прошли века.

Белокаменный Троицкий собор, построенный сыном Дмитрием Донского и расписанный Андреем Рублёвым, подвергся многим изменениям. Гениальные картины исчезли под слоями живописи позднейших иконописцев-ремесленников. Немного, уцелевшее от Рублёва, было известно только знатокам.

Живопись Рублёва считалась почти целиком погибшей. А то, что уцелело, одели в золотые ризы, совершенно скрывшие линии и краски.

Настоящее, глубокое, научное изучение иконописи началось только после Октябрьской революции. Владимир Ильич Ленин назвал имя Рублёва в числе великих людей, память о которых должна увековечить наша страна.

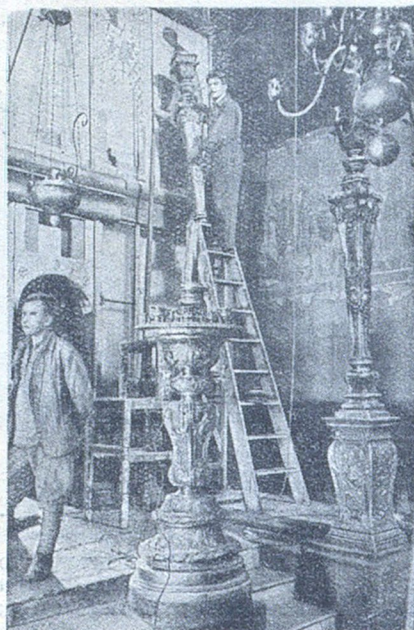
* * *

Строг и величественен Успенский собор. Причудливо хороша Надкладная часовенка. Сверкает искусной нарядностью Петровская трапезная.

Реставрация архитектурных памятников русского зодчества идёт полным ходом.

Самые важные работы развёртываются внутри Троицкого монастыря. Здесь возрождают живопись Рублёва.

Все работы по живописной реставрации выполняет известный реставратор Н. А. Баранов под руководством академика И. Э. Грабаря. Николай Андреевич Баранов прошёл старинную школу

Реставрационные работы в Троицком соборе.

реставраторов-иконописцев Мстеры. Он принёс в Лавру все свои знания и талант, воспитанный на традициях древнерусской живописи.

Его орудия производства — растворители, спирт, политура и острый хирургический скальпель. Единственная ученица Баранова — его дочь Нюра. Она окончила Загорский учительский институт, но переходившая из поколения в поколение Барановых профессия художника-реставратора увлекла её.

С чего начинают реставрацию икон?

После снятия металлической басмы, прикрывающей живописный фон, прежде всего удаляют грязь, неизбежно накапливавшуюся за многие десятилетия. Потом осторожно снимают верхний слой позднейшего письма. Иногда сразу обнаруживаются интересные вещи. На первичной рублёвской живописи алого плаща царя Соломона (Пророческий ряд) Баранов показал небольшой треугольник записи XVIII века.

— Да, это точно, — крепко скай, говорит он, — тут ошибиться невозможно. Каждый век имеет свою особую манеру живописи.

Талант и искусство реставратора и живописца безошибочно говорят ему о том, на каких местах памятника первичная живопись бесследно утрачена, а где необходимо использовать и последующие записи, чтобы сохранить композицию и избежать пробелов. В спорных, сложных случаях возможно применение рентгена. Главное при послойном раскрытии живописи — это предельное чутьё и знание манеры и школы живописи разных времён.

Реставраторы раскрывают весь сложный процесс жизни памятника, все изменения, которым он подвергался в веках.

Написанные в начале XV века рублёвские творения некогда протирали олифой, на которую снова оседал налёт копоти и грязи.

Эти многократные подчистки и поправки искажали и затемняли первичную живопись. Картины промывали хвощём и щёлоком; при этом иногда портилась и живопись. Тогда на исчезающие первичные контуры наносили на основе старой композиции новую живопись. После каждой такой «реставрации» постепенно видоизменялся не только живописный колорит памятника, но

иногда и композиция. Достаточно посмотреть на висящие рядом в Троицком соборе тёмные, похожие на закопчённые олеографии, ещё не отмытые доски и на сияющую свежестью рублёвскую живопись на раскрытых досках, чтобы понять, как искажены были творения Рублёва.

И только теперь, после любовного и искусного раскрытия этих жемчужин древнерусской живописи, мы видим всё её величие, всю свежесть её колорита. Раскрывая памятник, надо работать со всей возможной осторожностью, чтобы не уничтожить красоты нежных лиссировок, т. е. просвечивания одного цвета первичной живописи сквозь другой. Это очень трудная и ответственная задача.

* * *

Мы выходим из мастерской, и протез Н. И. Баранова (он потерял ногу в империалистической войне) гулко стучит по ступенькам собора.

Такой же энтузиаст, как и все члены этого рабочего коллектива, инженер Савельев открывает нам дверь Троицкого собора. Инженер работает по сбору и установке гигантского серебряного иконостаса и богатейшей серебряной утвари. Он поднимается по лестнице, и его серый комбинезон теряется в сумраке алтаря.

Скупой свет пасмурного дня не может заглушить праздничную свежесть и неизъяснимую пластичность рублёвских творений. Кое-где ещё темнеют неотмытые доски. Их осталось немного. И скоро вся рублёвская роспись, скрытая в течение столетий, развернётся во всём своём блеске.

Людмила ВЕРЦНЕР

Общий вид Троице-Сергиевской лавры в Загорске.

А. Рублёв. «Царь Соломон».

А. Рублёв. «Тайная вечеря».

А. Рублёв. «Пророк».

Фото Г. Капустянского.

МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ В «РАЙМОНДЕ»

МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ В РОЛИ РАЙМОНДЫ

В Большом театре Союза ССР в трудной и ответственной роли Раймонды в одноименном балете Глазунова впервые выступила молодая балерина Майя Плисецкая. Лишь два года назад она окончила балетную школу и в прошлом году дебютировала в главной роли в балете Чайковского «Щелкунчик». У неё ещё не было тогда уверенности мастера, имелись технические погрешности. Однако уже в «Щелкунчике» Майя Плисецкая пленяла красотой своих движений. Природа одарила её прекрасными данными: стройная фигура, большой шаг, широкий и высокий прыжок, красивые, «поющие» руки. Её движения красивы от природы, и естественно, что уже в «Щелкунчике», в котором она выступала почти сразу после школьной скамьи, молодая балерина имела крупный успех.

За истекшие полтора года Майя Плисецкая неутомимо тренировалась у балетного станка. Она оттачивала своё мастерство, совершенствуя сложные партии, в которых ей приходится выступать на сцене Большого театра. Она изучала историю и теорию искусства, усваивала опыт старших товарищей, учась у балетмейстеров и педагогов Л. Ф. Лавровского, Е. П. Гердт, Суламифи Месерер. Результаты упорного труда сказались. Если в «Щелкунчике» Плисецкая — ещё только обаятельная и изящная танцовщица, то в «Раймонде» она уже сильная, первоклассная балерина. Что особенно отрадно, техническое совершенство для Плисецкой — уже не самоцель, а лишь средство для передачи музыкального содержания балета, для танцевального рассказа о переживаниях героини.

Балет «Раймонда» — один из самых трудных и сложных для исполнительниц. Сложность роли Раймонды в том, что в ней необходимо танцевальными средствами выразить целую гамму человеческих чувств и переживаний.

Вначале балерина появляется в бурном, радостном танце, вызывающем ощущение юности, свежести, беззаботного, молодого веселья. Прыжки в этом танце создают впечатление полёта. Затаив дыхание, следит зрительный зал за первым танцем балерины.

Развёртывается линия сюжета. Раймонда переживает ряд опасностей, страдания, печаль, томление разлуки, волнение любви. Все оттенки этих чувств Майя Плисецкая с большой выразительностью передаёт в танце. Чарующе изящен вальс в сцене сна. Технически сложные вариации Плисецкая исполняет уверенно, легко.

Майя Плисецкая.

Фото Г. Капустянского.

Молодая балерина поразила своей необычайной музыкальностью. Не только музыкальный ритм, но и малейшие музыкальные оттенки находят выражение в танцах Плисецкой. Музыкальность исполнения придаёт её танцам особую прелесть. При этом танцы Плисецкой своеобразны, они лишены подражательности, которая часто бывает у молодых танцовщиц. Индивидуальность Плисецкой проявилась в балете «Раймонда» с убедительной выразительностью и силой.

Майя Плисецкая по-новому сыграла Раймонду. Она создала образ девушки, проникнутой чувством неподкупной, цельной, героической любви, девушки, которая смело, гордо и стойко среди тяжёлых испытаний охраняет свою любовь. Единство лирического, тёплого образа в самых разнообразных сценических и танцевальных положениях балета придаёт исполнению Майи Плисецкой подлинную артистичность. Талантливая молодая артистка сумела создать запоминающийся, цельный образ, покоряющий зрителей правдивостью и обаянием. Исполнение роли Раймонды Майей Плисецкой выдвигает её в ряд лучших балерин Большого театра.

М. МИХАЙЛОВ

НОВЫЕ НОМЕРА НА ЭСТРАДЕ

«ТРИ МУШКЕТЕРА»

Чтец А. Н. Глумов избрал для воплощения на эстраде один из самых ярких эпизодов романа А. Дюма «Три мушкетера» — историю брильянтовых подвесков, подаренных французской королевой Анной всеильному министру Англии герцогу Букингеми. Вокруг этого подарка хитроумный кардинал Ришелье, втайне любивший королеву, плетёт сложную сеть интриг, которую одним ударом разрушает солдат-мушкетер д'Артаньян.

Синтез слова и музыки — проблема, над которой А. Н. Глумов работает уже много лет. В новой композиции он находит удачное разрешение своей задачи. Музыка С. Н. Василенко, построенная на подлинных французских народных мелодиях XVII и XVIII веков, органически вплетается в ткань рассказа, заостряет характеристики героев, создаёт выразительный «звуковой фон», на котором развёртывается стремительное действие. Композиция освобождена от многословности, присущей роману. Отдельные сцены подчинены строгой сюжетной последовательности. Читает А. Н. Глумов с большой экспрессией, с яркими образными приёмами, наделяя своих героев живыми, запоминающимися чертами. Выразительной лепке образов много помог режиссёр композиции Б. С. Межинский, придавший этой своеобразной «концертной мелодраме» внутреннюю стремительность. Как живые, встают перед слушателями четыре друга: гордый Атос, простодушный Портос, нежный Арамис и неустрашимый, беспечный, находчивый д'Артаньян. Прекрасно проводят музыкальное сопровождение И. Павлов (труба), В. Штейман (ударные) и Б. Абрамович (фортепиано).

Новая работа А. Н. Глумова свидетельствует о том, что лучшие мастера советской эстрады идут неустанным путём творческих поисков.

С. ДИНИН

СНОВА НА ЭСТРАДЕ

Отдел оригинальных жанров Всесоюзного гастрольно-концертного объединения подготовил эстрадные номера артистов — инвалидов Отечественной войны.

Акробат М. Дмитриев был тяжело ранен на войне. В результате операции одна его нога стала короче. Подбор акробатических трюков, которые выполняет сейчас Дмитриев со своей партнёршей Валентиной Николаевой, делает для зрителя совершенно незаметными дефекты ноги у акробата.

Оригинальный и отличный манипулятор с множеством трюков, демонстрирующих исключительную ловкость рук, Трубин во время войны был танкистом. Сейчас он возвращён на советскую эстраду. Зритель с удовольствием будет смотреть на сцене трюки этого заслуженного героя Отечественной войны.

Акробаты М. Дмитриев и В. Николаева.

Композиция «Три мушкетёра». Слева направо: А. Глумов (чтец), И. Павлов (труба), В. Штейман (ударные), Б. Абрамович (фортепиано).

Манипулятор Э. Трубин.
Фото Б. Решина.

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ СКУЛЬПТОР

В. Толстой

Анна Семёновна Голубкина до двадцати пяти лет жила в провинции, в городе Зарайске. Здесь она начала лепить небольшие жанровые статуэтки под руководством местного учителя рисования. Единственным источником её художественных впечатлений была тогда «Нива»,

Портрет А. С. Голубкиной. Работа заслуженного деятеля искусств Н. Ульянова. 1937 год.

где давались репродукции произведений русских и иностранных художников.

В 1889 году Голубкина отправляется в Москву и вскоре поступает в Школу живописи и ваяния. За пять лет, которые она провела здесь, работая по классу Сергея Иванова, Голубкина далеко продвинулась в достижении профессионального мастерства. В эти годы она делает уже вполне самостоятельные вещи, которые превосходят её зрелое творчество.

В течение двух лет (1898—1900) Голубкина жила в Париже, училась у Родэна и пользовалась советами великого мастера. Но она не стала простой ученицей. Уже в то время Голубкина была вполне самобытным скульптором, со сложившимися вкусами и определёнными взглядами на искусство.

Родэн в последний период своей жизни всё дальше уходит в область отвлечённой символики и мистицизма. Голубкина до конца остаётся жизнелюбивым реалистом. Это прекрасно видно из сравнения двух скульптур того периода: «Старухи» Родэна и «Старухи» Голубкиной. Обе сделаны с одной и той же модели. Но если у Родэна с предельной силой звучит слепой ужас перед разруше-

Маска. Первая работа А. С. Голубкиной по мрамору, сделанная ею в Париже.

нием живой плоти, то Голубкина и в грустной картине дряхлости находит настроение мудрого примирения с закономерностью жизни.

Голубкина всегда оставалась глубоко национальным художником, тесно связанным с передовыми общественными движениями в России. Это она впервые в русской скульптуре создала замечательные образы рабочих, полные волевой собранности и силы («Железный», 1897. «Рабочий», 1900). Она же в революционные дни 1905 года вылепила первый в России бюст Карла Маркса.

Полной зрелости творчество Голубкиной достигает в период между двумя революциями (1907—1917). К этому времени относятся такие её шедевры, как «Раб», «Земля», «Кариатиды», «Сидящий человек» и другие.

Из лучших вещей послеоктябрьского периода надо отметить портреты Черткова и Льва Толстого и скульптуру девушки — «Берёзка».

Голубкина любила изображать тёплые сцены материнства. Она не уставала любоваться чистыми очертаниями девичьих голов. Как художник, Голубкина всегда восставала против упадочных настроений, боролась с ними и создавала такие шедевры жизнеутверждения, как «Идущий» или «Сидящий» — образы, которые наряду с горьковскими по праву называли «Буревестниками революции».

Излюбленным материалом её была глина. Глина легко передаёт «почерк» скульптора: характер его лепки, его темперамент, его личное отношение к изображаемому. Но глина — материал недолговечный, она трескается, рассыпается. Поэтому с глиняного оригинала делается отливка — либо в гипсе, либо в бронзе.

Скоро перед москвичами откроется просторная мастерская Голубкиной. Во время войны большинство скульптур в соответствии с замыслом мастера были переведены в бронзу. Тем самым создания Голубкиной получили заслуженное право на долготеление.

Л. Н. Толстой. Бронза. Работа А. С. Голубкиной.

Музей-мастерская А. С. Голубкиной

Широкие читательские круги, несомненно, с большим интересом встретят выход в свет большого тома избранных произведений Алексея Толстого (Гослитиздат, 1945).

В этот сборник вошли лучшие повести первого периода творчества выдающегося русского писателя.

В мастерски написанных рассказах перед нами проходит галерея образов прошлого. Вот они, спившиеся люди, не находящие себе места в жизни; таков герой повести «Хромой барин» — князь Краснопольский — или обедневший помещик Смольков, кутила, картежник, ведущий жалкое существование. Вот и другие — люди, знавшие азарт денежных спекуляций, моменты выигрышей и проигрышей и убедившиеся в тщете жизни.

В первых повестях Алексея Толстого («Хромой барин», «Чудаки», «Мечтатель», «Любовь») мы находим многие черты крепкого, реалистического стиля, родившие Алексея Толстого с великими предшественниками — русскими классиками.

Новеллы Алексея Толстого выдержали испытания времени. Уже не осталось и следа от жизни, изображаемого писателем, но мы берём томик в руки — и нас увлекает неторопливое повествование, нас захватывают драматические ситуации, в которые попадают герои Алексея Толстого, нас пленяют лирические его пейзажи. Как любовно и свежо вырисованы их детали: тенистые парки с вековыми деревьями, поросшие осокой болота, старинная мебель с потускневшей позолотой, тёмные портреты предков в старомодных нарядах и пудренных париках!

Алексей Толстой не выступал плакальщиком по уходящему прошлому. Он видел светлый выход в будущее, потому что верил в широту, одарённость, в великую сердечность русского народа.

Новеллы писателя согреты большим жизнелюбием. Когда-то Горький назвал талант Алексея Толстого «весёлым». И действительно в этих новеллах много весёлости, лёгкого лукавства, чисто русского озорства.

Алексей Толстой широко известен не только в нашей стране, но и за её пределами как исторический писатель, автор великолепной эпопеи «Пётр I». В одноимённом писателем представлении как мастер исторического жанра повестями «Навождение», «Граф Калиостро», «Повесть смутного времени».

Здесь, как бы в миниатюре, выступают перед нами основные приёмы Алексея Толстого — историка. За реальными фигурами изображаемых личностей писатель различает

глубокие социальные процессы. В центре его исторических произведений лежит идея родины, идея России, идущей неуклонно через страдания к великому будущему.

Эта идея окрыляла выдающегося русского писателя и в дни Великой отечественной войны, когда он показал себя пламенным публицистом.

В октябре 1941 года, когда свирепый враг подступал к родимой Москве, по всей стране прозвучал мощный голос писателя: «Чёрная тень легла на нашу землю. Вот, поняли теперь, что жизнь, на что она, когда не будет родины... По-немецки мне, что ли, говорить? Потерять навсегда надежду на славу и счастье родины моей, забыть навсегда всё, всё прекрасное, высокое, очищающее жизнь, ради чего мы живём?.. Видеть, как Пушкин полетит на костёр под циничскую ругань белобрисой немецкой сволочи и пьяный немецкий офицер будет мочиться на гранитную скалу, с которой сорван и разбит бронзовый Пётр, указавший России просторы беспредельного мира... Нет, лучше смерть! Нет, только смерть в бою! Нет, только победа и жизнь!»

В дни войны Толстой много и ярко писал о доблести советского народа: о его мощном созидательном труде, о смелости прокладывания новых путей, о его подлинной любви к родине, о его героизме и бесстрашии.

Современный советский воин, в глазах Толстого, — это правнук того славного богатыря, который, презирая смерть, столетиями отстаивал славу и честь своей родины в боях с многочисленными захватчиками.

Но современный русский человек, свободный гражданин своей страны, унаследовавший лучшие черты прошлого, проявляет и новые черты своего характера. Эти новые черты воспитаны в нём учением Ленина и Сталина, закалены годами революции, окрепли в боях Отечественной войны.

В результате изучения этих новых черт советского человека возникли «Рассказы Ивана Сударева».

Прекрасной иллюстрацией высокого художественного дарования писателя служат его произведения, выделенные в раздел «Повести и рассказы». Стоит вспомнить такой маленький шедевр, как «Гадюка», чтобы почувствовать всю силу таланта рано ушедшего от нас писателя. Он многое мог бы ещё совершить. Но и то, что он создал, будет долгие годы жить и волновать сердца людей как правдивое повествование о делах и днях великого русского народа.

Александр ДЕИЧ

Наташа Защипина на съёмке в Московском зоопарке. Сцена с пеликаном.

ВТОРАЯ РОЛЬ НАТАШИ ЗАЩИПИНОЙ

Первую роль Наташи Защипиной запомнили все, кто видел фильм «Жила-была девочка». Маленькая дочь опереточной актрисы смешно и трогательно показывала сцену из «Сильвы».

«Сильве Вареску» было тогда три с половиной года.

Сейчас Наташа снимается в роли Лидочки в детском фильме «Верёвочка».

...Тихий уголок Московского зоопарка. Маленькая девочка в берете читает зверям стихи. Слон нежно обвивает её хоботом.

По сценарию, девочка хочет во что бы то ни стало выучиться прыгать через скакалку. До начала съёмки Наташа и действительно не умела прыгать. Учить её должен был помощник режиссёра. Но у девочки ничего не выходило. Только потренировавшись несколько дней тайком от режиссёра и добившись своего, она вернулась на съёмки. Может быть, спортивное упорство Наташа унаследовала от отца, погибшего во

время войны, мастера спорта, гимнаста Александра Защипина.

В коротком интервью, которое дала Наталья Александровна в своей «артистической уборной» — сторожке Зоопарка, — молодая артистка, болтая ногами, скороговоркой сообщила, что ей понравился фильм «Бэмби», что она даже всплакнула и что ей хотелось бы покататься на спине у слона. Ей уже пять лет, и недавно съёмка была приостановлена: у героини менялись зубы.

Снимать детей очень трудно. Они очень подвижны и норовят вылезти из кадра. Ни слишком высокая осветительная аппаратура, ни система Станиславского не рассчитаны на юных артистов. Но Наташа оказалась очень одарённой: она сознательно выполняет сложнейшие задания, даже такие трудные, как в эпизоде, где она просыпается после сна, полного фантастических видений.

В. ГОРОХОВ

Наташа Защипина в сцене с леопардом.

Рисунки Г. Валька

Профессор протянул Вове Бровкину папку с чертежами.

— Выполнено всё весьма старательно, — сказал он. — Только напрасно вы остаётесь на восьми без двух при птичке.

— Что-о? — растерялся студент.

Профессор спокойно раскрыл папку, отыскал среди зачётных чертежей разграфлённую красным карандашом запись «пульки» и ткнул пальцем в жирную цифру:

— Вот, пожалуйста! Было наверху двадцать и сразу стало сто сорок. Вероятно, играли восемь не на своей руке?

Студент краснел, бледнел, зеленел, приобретал даже какой-то фиолетовый оттенок. Чорт его знает, как попала в чертежи запись этой проклятой «пульки»! Мало того, что она стоила Вове 130 рублей, так ещё придётся выслушать нудную нотацию на тему о вреде карт во время экзаменов.

Между тем голос профессора стал строже:

— Что же вы молчите, Бровкин? На зачётах молчать не полагается. Не на своей руке играли?

— На своей, — чуть слышно пробормотал Вова.

— Почему же без двух?

— Рискнул немного, Виктор Николаевич. Расклад неудачный. Понимаете, третья дама козырей и марьяж с маленькой на одной руке.

— А ну, покажите, — заинтересовался профессор.

Вова вытащил из бокового кармана старенькую колоду карт и быстро раскинул их на столе.

— Какие же это восемь, Бровкин? Вульгарные семь. Вы играете, как первокурсник.

Преферансисты составляют в нашем обществе особый клан. Попасть в него не так легко. Пока вы всем своим существом осознаёте, почему под вистующего нельзя ходить с длинной масти или раскрываться, имея на руках полный ренонс в червах, должно пройти много, много лет...

Правда, нет такого игрока, как бы слабо он ни играл, который согласился бы признать себя любителем, а не настоящим партнёром.

Поэтому, выслушав профессорский приговор, студент страшно обиделся:

— Почему же «как первокурсник», Виктор Николаевич? Один случай ещё ничего не доказыва-

ет. Вот давайте как-нибудь сразимся и тогда увидим.

— Зачем же «как-нибудь»? Приходите ко мне домой в это воскресенье. У нас как раз намечается баталия. Моя жена, певица Смородинская, — прекрасный преферансист. Придётся?

— Да, — ответил Вова и почувствовал, что тонет.

В воскресенье Бровкин начал волноваться в семь часов утра. Легко объявить себя настоящим партнёром, но трудно оказаться на высоте, когда у тебя за плечами только куцый студенческий преферансистский стаж. К тому же Вова видел хозяйку дома только в театре из пятого яруса и не мог себе представить, как это он будет в гостях у Татьяны Лариной играть в карты.

Приятель Бровкина Борис, студент-однокурсник, слышавший большим знатоком московского театрального «света», лично проводил его до самого дома профессора и всю дорогу мучил советами и напутствиями.

— Главное, Вовка, покажи себя культурным парнем, — говорил он, шагая рядом с товарищем. — Буфет называй сервантом, шкаф — горкой, лампу — бра. А если у них есть собака, помни, что с хвостом — овчарка, а без хвоста — фокстерьер. Слышишь?

— Слышу, — мрачно гудел Вова.

— Потом, с картинами не сраись. Если море, — Айвазовский, если лес, — Шишкин, если просто какой-нибудь голый парень без трусов и целевой установки, — значит, безыдейная продукция.

— Соображаешь?

— Соображаю.

— Курить захочешь, — проси разрешения у дамы. Окурки в сахарницу не кидай. Знаешь, куда их класть?

— Знаю. В бра.

— В какое бра?! Ты что, смеёшься?

— Ага, тогда в сервант?

— Я с тобой серьёзно говорю, Владимир!.. Затем, почтёе извиняйся. Будь учтивым. Руку не забудь поцеловать.

— У кого?

— Ясно, что у хозяйки, а не у овчарки! — возмутился Борис.

Дверь Бровкину открыла сама Анна Павловна, жена профессора. Вова сразу отметил, что из пятого яруса она казалась раз в пять тоньше и моложе.

— Пожалуйста, пожалуйста, молодой человек! Десять минут девятого. На преферанс опаздывать не принято. Это — не свидание с девушкой.

Гость смутился, ткнул носом большой палец хозяйки, что

должно было изображать поцелуй, толкнул ногой стул, извинился перед стулом и вошёл в комнату.

Здесь всё было уже готово к великому таинству преферанса. Низко опущенная лампа ровно освещала стол. На столе лежали большой разграфлённый лист бумаги, две колоды нераспечатанных карт, четыре остро очинённых карандаша. Сразу было видно, что тут собрались старейшины преферансистского клана, а не жалкие любители.

Два партнёра поднялись на встречу. Один из них, седовласый джентльмен с рыжеватой бородой, похожий на Бернарда Шоу, недовольно проворчал:

— Давайте, давайте начинать, товарищи! И так уже тринадцать минут потеряно.

В его голосе чувствовалось глубокое убеждение в том, что всякая минута человеческого существования, занятая не «пулькой», есть только бесцельная трата драгоценного времени.

Второй партнёр, лысый толстяк в великолепном сиреневом костюме с красной искрой, молча сел за стол и распечатал карты.

Самого Виктора Николаевича не было.

Обстановка профессорской квартиры делала честь проницательности Бориса. Тут имелось всё, что должно быть в модном московском доме. Красное дерево, сервант, горка, бра, овчарка, радиолы, рефрижератор, стая фарфоровых собак на пианино, один Айвазовский и два безыдейных парня, выставивших из золотых рам розовые зады.

— Вам не помешает, Анна Павловна, если я закурю? — спросил Вова у хозяйки, хотя та сама нещадно дымилась, как паровоз.

— Пожалуйста, пожалуйста, Владимир Семёнович! Только сначала сдайте, а потом уж закуривайте.

— А вы не возражаете? — обратился студент к «Бернарду Шоу», решив быть учтивым до конца. — У меня табак очень мягкий.

— А хотя бы тяжёлый! Курите, сколько угодно, только сдавайте, бога ради! Ещё три минуты потеряны.

— Видите ли, я потому спрашиваю, что мне показалось, будто вы только что кашляли.

— Это не я кашлял, а Джек лаял на кошку. Да сдавайте же вы, наконец, честное слово! Ещё минута потеряна.

Игра началась. Вове невыносимо

Б. Тимофеев

Басня

Рисунок Б. Фридкина

Однажды критик мылся в бане —

И после долгих размышлений

Сей непреклонный муж

Отправился под душ...

Но вот беда: вода хоть щедро льёт, —

То кипятком идёт, то просто лёд!..

Как краны ни крути, выходит то же...

Сперва ошпаренный, затем в холодной дрожи,

Был критик возмущён: «Но почему ж

Достичь я не могу здесь середины?..»

«Я действую, как ты...» — ему ответил душ, —

И есть на то свои причины:

Гораздо проще лить водой одной —

То кипятком, то ледяной...

Чтоб делать смесь, тут нужен кран разборный,

А разбираться я — слуга покорный!..

Работать так считаю безопасней...

И вот сей душ отмечен басней...

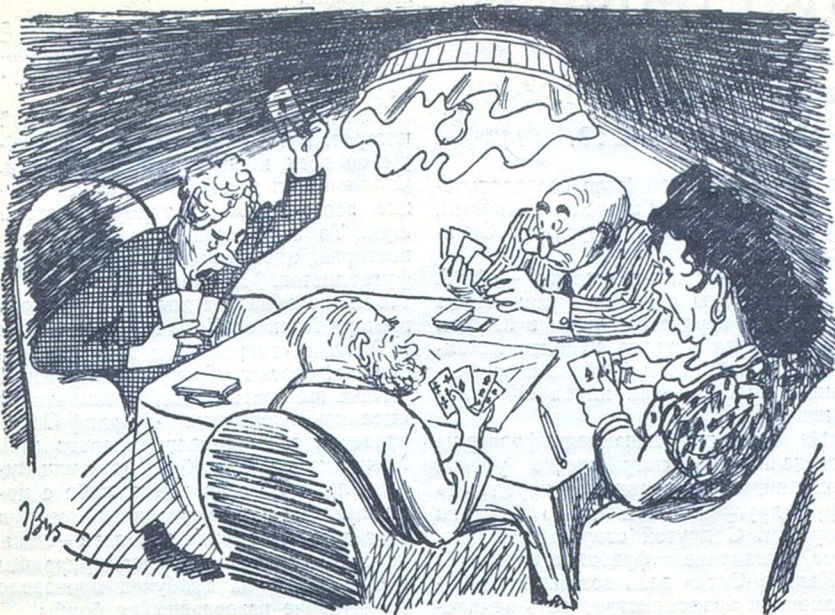
А критик, верный «принципам» своим,

Весь в волдырях пришёл домой и, с ходу

Статью писать начав, опять одну лил воду:

Он был, как душ, неисправим!..

— Не ваше дело! Хочу — буду думать до утра.

повезло. Он удачно сыграл четыре раза и тотчас же стал предметом лютой ненависти партнёров. Когда же Бровкин, чувствуя дрожь в коленках, объявил десять без козырей, Анна Павловна не выдержала и швырнула карты:

— Боже мой, как ему везёт! Я даже не помню, чтобы так кому-нибудь везло!

— Владиславу Петровичу прошлый раз так везло. Хорошо, что у него тогда квартира загорелась и его домой вызвали.

Лысый толстяк вистовал и обремизился. Это вызвало с его стороны такой взрыв негодования, точно он был обжужен самым наглым образом.

— Почему вы играли семь, ког-

да у вас верных восемь?! — накинулся он на смущённого студента.

— Какие же восемь, Иван Иванович? А если бы на одной руке была и третья дама и марьяж с маленькой?

— И ещё атомная бомба! — презрительно фыркнул толстяк и с невероятным ожесточением стал тасовать карты.

Что бы ни делал Бровкин, — всё встречало резкое осуждение партнёров. Если он пасовал, «Бернард Шоу» говорил, что трусы в карты не играют. Если же, наоборот, Вова часто вистовал, толстяк начинал злобно распространяться о мелочности и жадности некоторых молодых людей. Если студент назначал рискованную игру,

следовала чья-нибудь ядовитая реплика на тему об идиотах, которым лучше не садиться играть в преферанс. Если он играл осторожно, пострадавший шипел, что раньше за такие штуки били подсвечниками.

Особенно старалась сама хозяйка дома. После каждой игры она устраивала допрос с пристрастием:

— Почему вы бросили девятку, а не перебили тузом?

— Потому что у меня не было туза.

— А если у вас не было туза, зачем вы вистовали?

— Я не вистовал. Вы меня пригласили втёмную.

— Тем более, раз вас приглашают втёмную, нужно бить тузом.

— Но у меня не было туза!

— А не было, — не вистуйте...

Скоро Бровкин возненавидел своих партнёров. Когда у лысого толстяка от неудачной распасовки наливался апоплексический кровью затылок или Анна Павловна бледнела от крупного ремиза, Вова испытывал невероятное, жгучее, сладостное наслаждение.

Но карточная фортуна — весьма капризная особа. Бровкин зарвался и, купив на девять припичке, понял, что погиб. От горя он туло смотрел в карты и не шевелился.

— Ну? — возмутился, наконец, «Бернард Шоу». — Сколько же можно думать? Ещё три минуты потеряны!

— Не ваше дело! Хочу — буду думать до утра.

— Думать нечего, — решительно вмешалась Анна Павловна. — Вы без одной.

— А вы не таявьте под руку!

— Я не таявкаю, а говорю. Это вы таяваете. Щенок!

Началось нечто невообразимое. Анна Павловна кричала, лысый толстяк визжал, Джек лаял, Вова рвал карты, а «Бернард Шоу» тщетно взывал ко всем, показывая на часы:

— Ради бога, давайте продолжать! Уже семь минут потеряно! Ходите же, Владимир Семёнович! Ходите!

Когда на следующее утро Вова проснулся и вспомнил вчерашнюю баталию, у него дрогнуло сердце и занял зуб под коронкой.

— Что же теперь будет, а? — спрашивал он портрет Льва Толстого, висевший над кроватью. — Хорош мальчик! Устроил скандал у женщины! У певицы! У жены своего профессора! Как я теперь покажусь на глаза Виктору Николаевичу?

В дверь громко постучали, и голос соседа сказал:

— Вова, вас к телефону профессор Смородинский!

«Началось!» — подумал студент и медленно поплёлся в коридор на сразу одревеневших ногах.

— Это вы, Бровкин? Здравствуйте. Слушайте, дорогой, жена просила вас обязательно быть у неё в среду. Затеваются новые «пуляки». Кстати, могу вас обрадовать: вы всем очень понравились. Жена говорит, что вы настоящий партнёр. Поздравляю!

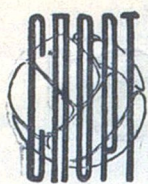
С этого дня Вова стал полноправным членом беспокойного клана преферансистов.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

— Наши мастерские, как вы видите, уже перешли на послевоенную программу.

(Из журнала «Ньюйоркер».)

19:9 В ПОЛЬЗУ «ДИНАМО»

«Динамо» — «Челси» — 3 : 3. «Динамо» — «Кардиф-Сити» — 10 : 1.

«Динамо» — «Арсенал» — 4 : 3. «Динамо» — «Ренджерс» — 2 : 2.

Футбольный клуб «Челси» считается в Англии молодым клубом, так как он существует всего... 40 лет. За это время в его актив записана не одна почётная победа. Футбольные команды Франции, Бельгии, Венгрии, Югославии не могли в игре с «Челси» добиться не только победы, но даже ничьей. На семи полях «Челси» неоднократно выходила победителем сильнейших английских клубов.

Команда «Челси» была первой, с которой встретились в Лондоне команда московского общества «Динамо».

О приезде советских футболистов в Англию говорили давно, билеты на матч были проданы задолго до их прибытия. О динамовцах говорили в поездах, в метро, в магазинах. У газетных киосков продавцы предупреждали: «Имеются биографии Семичастного и Боброва...»

Главной заботой руководителей клуба «Челси» перед матчем было усиление состава команды. Нужно было приобрести новых способных игроков. И они приобрели их, в том числе знаменитого игрока из клуба «Эвертон» — центра нападения «Сборной Англии» Томми Лаутона. Если же принять во внимание, что цвета «Челси» стали недавно защищать центрхавбек Джон Гаррис, приглашённый из Вулверхемптона, великолепный бек Джон

Тенан и левый инсайд Леонард Голуэн — все игроки «Сборной Англии», то ясно станет, что московские футболисты имели перед собой очень серьёзного противника.

Подождал день матча — 13 ноября. Вопрос «Кто кого обыграет?» стал центральным. На трибунах стадиона все спорили, гадали, предполагали, убеждали друг друга и не приходили к единой точке зрения. Рождались пари.

Когда игра началась, сразу стало ясно, что обе команды состоят из великолепных футболистов, что динамовские форварды умеют бегать не хуже английских, что московские беки и хавбеки «накрепко закрывают» английских нападающих и что футбольная «дуэль» Лаутона с Семичастным обещает много интересного. Так и было. Лаутон в лице Семичастного действительно встретил достойного партнёра. Семичастный всегда на какую-то долю секунды оказывался раньше Лаутона у мяча, и, кто знает, сколько опаснейших прорывов Лаутона было ликвидировано динамовским капитаном в самом их зародыше. Лаутон рвался к динамовским воротам, а Семичастный его не пускал. Также Радикорский не пускал Бейна, а Станкевич — Долдинга.

Игра шла с переменным успехом,

внимание зрителей было сосредоточено на «схватках» Гарриса с Бесковым, Тенана с Бобровым, Лаутона с Семичастным.

Общий результат встречи — 3 : 3. Следующую свою игру динамовцы провели в городе Кардифе, в Южном Уэльсе. Эта встреча надолго запомнится и любителям футбола и профессиональным игрокам клуба «Кардиф-Сити».

На этот раз динамовцы-форварды показали всю силу своего умения комбинировать, правильно передавать друг другу мячи и точно бить по воротам. С другой стороны, энергичное нападение футболистов клуба «Кардиф-Сити» дало возможность динамовцам продемонстрировать великолепные качества своих беков Радикорского и Станкевича и вратаря Алексея Хомича, который взял несколько, казалось, «мёртвых» мячей.

В этом матче, кстати, очень ярко выразилось преимущество московских футболистов в технике коллективной игры, в то время как футболисты Южного Уэльса каждый в отдельности показывал и умение обращаться с мячом, и хорошую игру головой, и прекрасный бег, но согласованной игры у них не получилось. Их защита, не привыкшая к столь резким выходам вперёд то инсайдов, то крайёв, не суме-

ла «удержать» ни одного из наших нападающих.

Десять мячей вбили динамовцы в ворота английской профессиональной команды «Кардиф-Сити», которая сумела ответить лишь одним.

Этот матч также вызвал огромный интерес. В Кардиф съехались шахтёры со всех концов Южного Уэльса. Стадион был полон доотказа. В течение всего матча на трибунах стоял шум. То были крики, аплодисменты, восторги, одобряющие хорошую игру футболистов. Наибольший успех в этот день выпал на долю московского вратаря Алексея Хомича. Прозванный в Англии «тигром», он показал прекрасные броски, мёртвую хватку мяча, умение выбирать место. И сколько ни пытались форварды «Кардиф-Сити» провести в динамовские ворота мяч, Хомич каждый раз брал этот мяч либо налету, либо на земле, либо с ноги английского форварда. Хомич в этот день взял даже пенальти — одиннадцатиметровый штрафной удар без защиты. Это на трибунах произвело впечатление разорвавшейся бомбы.

Так прошла вторая игра «Динамо». Третьей была встреча с «Арсеналом».

Встреча с «Арсеналом» закончилась победой «Динамо» со счётом 4 : 3.

Четвёртый, заключительный матч «Динамо» состоялся в Англии с шотландскими футболистами команды «Ренджерс». Он дал результат 2 : 2 после напряжённой, интересной борьбы.

Общий итог четырёх игр «Динамо» в Англии 19 : 9 в пользу советских футболистов.

М. МАРТЫНОВ

Динамоцы.

Фото Н. Волкова.

ПО КРУЧАМ И ЛЕДНИКАМ

Узкой полоской стелется дорога вдоль высокого берега всклокоченной, мутножёлтой реки Кубани. У её слияния с голубой Тебердой расположен город Микоян-Шахар.

Автомобили, на которых мы отправились из Батаалпашинска, доставили нас в курортный городок Теберду. Здесь конечный пункт дороги. Наутро наша колонна походным порядком двинулась в лагерь спортивного общества «Наука», лежащий на живописной Домбайской поляне.

Отсюда, из трёхречья, образуемого горными реками, низвергающимися к подножию Кавказского хребта, мы начали тренировочные занятия с новичками.

На панорамном пункте, лежащем на высоте 2400 метров, член-корреспондент Академии наук мастер спорта Б. Н. Делоне прочёл лекцию о географии горного района. Затем начались практические занятия: обучение скалолазанию, самостоятельный спуск новичков на верёвке с высокой скалы, подъём и спуск на кошках по ледяному склону.

Настоящим праздником для них было восхождение по фирновым полям на вершину Софруджу—3785 метров. Прохождением двух перевалов и восхождением на Софруджу закончилось обучение новичков, и они получили право носить значок «Альпинист СССР» 1-й ступени.

После окончания работы с новичками инструкторы выполнили несколько более трудных заданий. Связавшись верёвками, товарищи Верёвкин, Найдич, Заплата и Кutowой двинулись по крутым склонам, чтобы достигнуть вершины Белалакая. Это была нелёгкая задача. На вершине Белалакая — 3857 метров — в туре, сложенном из камней, где кладутся записки о восхождении, добавилась новая записка.

На обратном пути пришлось спускаться по отвесным скалам с помощью верёвок. Спустившись на снежные склоны, четвёрка по сравнительно лёгкому пути вернулась в лагерь.

ОЛЬГА ЗАПЛАТИНА,
инструктор альпинизма.

На снимках: у тура — на вершине Белалакая (вверху, слева); ниже — восхождение из Софруджу. Вверху, справа: спуск с вершины Белалакая; ниже — возвращение в лагерь по фирновым полям.

Фото В. Кutowого

КАЛИБР

Калибром мы называем длину поперечника пули, снаряда или канала ствола орудия. Этот военный термин вошёл в наш язык в петровскую эпоху. Образовался он из итальянского «ква либра?», что в переводе значит «какого веса?» В старину пушки различали по весу ядер для них («десятифунтовая пушка» — значило, что не пушка весит десять фунтов, а ядра для неё). Сегодня между диаметром ствола и весом снаряда нет даже твёрдого соотношения, но старое слово «калибр» для различия орудий сохранилось.

СТОЛПОТВОРЕНИЕ

Во втором и первом тысячелетиях до нашей эры мировым городом был расположенный между реками Тигром и Евфратом Вавилон. Это был крупнейший центр обширного государства. Здесь были роскошные храмы, рынки, склады, банки. На улицах Вавилона можно было слышать речь всех народов, населявших государство, здесь жили богатые земледельцы, ремесленники и купцы, сюда стекались отовсюду золото и драгоценности. Греческий историк Геродот сообщает, что Вавилон «устроен так прекрасно, как ни один из известных нам городов». По его свидетельству, городские стены (в переводе на наши меры) достигали длины в 80 километров. В Библии и Апокалипсисе «Вавилон» — образ греховного города, полного соблазнов. По библейской легенде, возмнившие о себе вавилоняне стали возводить башню (столп) высотой до неба, чтобы добраться до бога. Но бог произвёл смятение, смешав их языки так, что люди переста-

ли понимать друг друга. Отсюда «Вавилон» — иносказательно большой порочный город (говорят «современный Вавилон»), а «столпотворение» (так в славянском переводе Библии звучало «возведение башни») — шумная бестолочь, неразбериха.

НА КУЛИЧКАХ

Прогалины в дремучих лесах называли в старину кулигами, куличками. (В Москве, например, звалось «Куличками» место, где ныне Дворец труда и где когда-то был просвет в бору.) Такие неожиданные полянки в далёком глухом лесу, как будто кем-то расчищенные, считали чортовым жильём. Память об этих отдалённых куличках — наше выражение о живущих на отлёте, вдалеке, — «у чорта на куличках» («ч» вместо «ж» от городского «книжного» произношения, как «скучно» вместо «скушно» и др.).

ЖАЛЮЗИ, КАПРИЗ, КОКЕТКА

Некоторые наши слова имеют забавную родословную, прекрасно вскрывающую их смысл. Жалюзи (решётчатые ставни, пропускающие свет, но защищающие от солнца и не позволяющие видеть с улицы, что творится в доме) мы заимствовали из французского, французы — из итальянского (джелюзия), итальянцы — из средневековой латыни (целюзия). А произведено это слово от латинского «целюс» — ревность. «Каприз» восходит к латинскому «капер» — козёл. «Кокетка, кокетничать» — к французскому «кок» — петух. Наряду с заимствованным «кокетка» есть у нас, в несколько ином значении, и своё слово от «петух» — «петушиться».

И. Уразов

КРОССВОРД

Составил А. В. Лоев

В клетки с вопросительными знаками вписывают буквы, образующие имена людей или названия предметов, изображённых на напечатанной здесь картине.

По горизонтали:

1. Вид спорта; шахматная фигура. 3. Лубочная юмористика в форме мерной рифмованной речи; судьба; метрическая мера земельной площади. 4. Мужской голос; кран для подъёма якоря. 5. Национальный музей во Франции; отношение длины окружности к диа-

метру. 6. Что-нибудь, не заслуживающее внимания. 8. Попечение о недееспособных; сорт шампанского. 9. Составная часть многих географических названий в нашем Союзе, обозначающая турецкое слово «белый»; произведение Данте. 10. Помещение, оборудованное для собраний или специальных целей; правый приток Рейна; одно из состояний воды. 11. Река в Германии; река в Сибири. 12. Табак домашней обработки; частокол.

По вертикали:

1. Знаменитый французский писатель; место в пусты-

Н. Ге «Пушкин в селе Михайловском».

не, покрытое растительностью. 2. Название многих рек в Западной Европе. 3. Битые предметы. 4. Крупный боковой отросток от ствола дерева; доказательство виновности; одна из нот музыкальной гаммы. 5. Письменное приветствие юбиляру. 6. Боевой клич войск при атаке. 7. Река в Италии; земельная мера. 8. Дерево, употребляемое в кораблестроении. 9. Растительность на мужском лице; знаменитый английский актёр; мужское имя. 10. Сарай для сушки и обмолаа хлеба; отходы при обработке волокна. 11. Сборник географических карт; государство.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ в № 43

По вертикали:

1. Ганди. 2. Халва. 3. Минск. 5. Юла. 6. Бор. 8. Шар. 9. Ров.

11. Забава. 12. Турист. 13. Кама. 14. Лото. 15. Стремя. 16. Корсет. 17. Филателия. 20. Конституция. 23. Кутуз. 26. Туполев. 28. Жуков. 31. Дед. 32. Бак. 38. Урожай. 39. Творог. 41. Кантон. 42. Анилин. 46. Анис. 47. Брод. 50. Сан. 52. Нос. 55. Меч. 56. Барто. 57. Штиль. 58. Спица. 59. Ель.

По горизонтали:

4. Папанин. 7. Владивосток. 10. Баз. 16. Кок. 18. Радуга. 19. Остров. 21. Рим. 22. Ном. 24. Малина. 25. Одесса. 27. Судак. 29. Есаул. 30. Рант. 31. Дуб. 33. Ялта. 34. Букет. 35. Декан. 36. Пилот. 37. Бунт. 40. Док. 41. Клан. 43. Колье. 44. Буфет. 45. Борода. 47. Бензин. 48. Кит. 49. Тир. 50. Сапоги. 51. Оборин. 53. Май. 54. Нож. 60. Севастополь. 61. Столица.

Партия под редакцией мастера Н. Зубарёва

Играла в чемпионате Московского авиационного института Дебют Берда

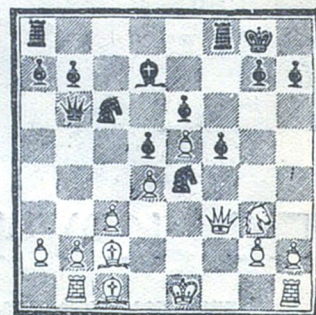
Зернов (белые)	Маркус (чёрные)
1. f2—f4	d7—d5
2. d2—d4	Kg8—f6
3. Kg1—f3	e7—e6
4. e2—e3	c7—c5
5. Kb1—d2	Kb8—c6
6. Cf1—b5	c5 : d4
7. e3 : d4	Фd8—b6
8. Cb5—a4	Cf8—d6
9. Kd2—f1	...
9. ...	0—0
10. c2—c3	Kf6—e4
11. Ca4—c2	Фb6—c7
12. Kf1—g3	f7—f5
13. Kf3—e5	...

Лучше было 13. Kg3—e2, укрепляя пешки d4 и f4. 13. ... Cd6 : e5! 14. f4 : e5

На 14. de было бы весьма неприятно 14. ... Фb6.

14. ... Фc7—b6 Предупреждая 15. 0—0, на что последовало бы 18. ... K : e5. 15. Фd1—f3 Cc8—d7 16. La1—b1

Не замечая эффектного ответа чёрных.

16. ... Kc6 : d4!! Правильная жертва, приводящая к быстрому разгрому белых.

17. c3 : d4 Фb6—b4+ 18. Kpel—e2

Если 18. Kpd1, то Ф : d4+; 19. Kpel, Лс8 с сильнейшей атакой.

Если 18. Kpf1, то Лс8; 19. Cd3, Л : c1+ и 20. ... Kd2+.

18. ... Cd7—b5+ 19. Cc2—d3 Ла8—c8 20. a2—a3

Удовлетворительной защиты у белых нет. Если, например, 20. Ld1, то Лс2+; 21. Kpf1, Ф : d4 и выигрывают.

20. ... Лс8—c2+ 21. Kpel—f1 Фb4 : d4 22. Фf3—e3

Если 22. C : b5, то 22. ... Лf2+; 23. Kpel, Л : f3; 24. gf Фf2+; 25. Kpd1, К : g3 и выигрывают.

22. ... Лс2 : c1+ Белые сдались.

Государственный ЗАЕМ ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКИ

(ВЫПУСК ЧЕТВЕРТОГО ГОДА)

(БЕСПРОИГРЫШНЫЙ ВЫПУСК)

СПРАВОЧНАЯ ТАБЛИЦА ПЯТНАДЦАТОГО ТИРАЖА ВЫИГРЫШЕЙ

ТИРАЖ СОСТОЯЛСЯ 30 августа 1945 г. в гор. Москве.

В пятнадцатом тираже выигрышей ЗАЙМА ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКИ (выпуск четвертого года) выигрыши выпали на следующие номера серий и облигаций во всех 70 разрядах беспроигрышного выпуска займа:

№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях
100006	1—50	150	106385	1—50	150	110589	1—50	150	116329	1—50	200
100032	40*)	500	106452	1—50	150	110707	1—50	200	116416	1—50	150
100096	1—50	150	106462	1—50	150	110955	1—50	200	116433	16*)	500
100146	1—50	150	106488	42*)	500	111066	38*)	500	116550	1—50	150
100321	02*)	1.000	106661	37*)	500	111122	1—50	200	116582	1—50	150
100485	1—50	150	106749	1—50	150	111135	1—50	150	116612	49*)	500
100628	1—50	150	106931	1—50	150	111157	01*)	500	116613	1—50	150
100836	18*)	500	107182	1—50	150	111161	1—50	150	116629	1—50	150
101086	1—50	150	107230	1—50	200	111372	1—50	150	116818	1—50	200
101131	1—50	150	107234	1—50	150	111426	1—50	200	116933	1—50	150
101162	1—50	200	107315	1—50	150	111446	17*)	1.000	116951	1—50	150
101543	1—50	150	107468	11*)	500	111470	1—50	150	116977	1—50	150
101851	1—50	150	107499	1—50	150	112059	1—50	200	117245	05*)	500
101877	1—50	200	107747	1—50	150	112120	1—50	200	117410	1—50	150
101892	01*)	500	107904	05*)	500	112201	46*)	500	117468	25*)	500
101990	1—50	150	107939	1—50	150	112409	1—50	150	117564	04*)	500
102132	1—50	150	107976	1—50	200	112428	1—50	150	117639	29*)	500
102454	1—50	150	107990	17*)	500	112573	1—50	150	118022	1—50	150
102484	1—50	200	107992	03*)	500	112775	1—50	150	118064	1—50	150
102539	29*)	1.000	108064	08*)	500	113352	1—50	150	118177	25*)	500
103211	11*)	500	108300	32*)	500	113364	1—50	150	118337	1—50	150
103262	1—50	150	108320	1—50	150	113408	1—50	200	118482	28*)	500
103318	1—50	150	108595	1—50	150	113438	30*)	500	118510	19*)	500
103370	1—50	150	108620	1—50	150	113442	1—50	150	118549	1—50	150
103515	1—50	150	108715	23*)	500	113534	47*)	500	118681	28*)	500
103550	1—50	150	108811	26*)	500	113563	1—50	150	118687	1—50	150
103735	1—50	150	108832	33*)	500	113570	1—50	150	118716	1—50	150
103747	1—50	150	108842	1—50	200	113585	1—50	150	118756	11*)	500
103818	1—50	150	108893	38*)	500	113655	1—50	150	118861	1—50	150
103978	1—50	150	109094	1—50	150	114006	1—50	200	119099	1—50	150
104172	06*)	500	109401	01*)	500	114014	1—50	150	119151	1—50	200
104207	1—50	200	109413	13*)	500	114422	14*)	500	119159	1—50	150
104248	1—50	150	109518	43*)	500	114467	19*)	1.000	119172	1—50	150
104399	1—50	150	109566	1—50	150	114522	1—50	150	119187	1—50	150
104450	02*)	500	109715	1—50	150	114552	16*)	500	119229	1—50	150
104625	09*)	500	109725	1—50	150	114629	1—50	200	119302	30*)	500
104899	1—50	150	109768	1—50	150	114679	20*)	500	119476	1—50	150
104954	1—50	150	109831	34*)	500	114683	1—50	150	119534	1—50	150
105211	03*)	500	109966	17*)	500	114970	1—50	150	119598	1—50	150
105450	1—50	150	110013	1—50	150	115062	23*)	500	119615	1—50	150
105667	1—50	150	110077	1—50	150	115114	12*)	500	119649	46*)	1.000
105727	35*)	500	110178	1—50	200	115502	1—50	150	119656	44*)	500
105869	1—50	200	110304	1—50	150	115602	45*)	3.000	119725	1—50	200
105930	1—50	200	110322	1—50	150	115667	34*)	500	119820	1—50	150
105941	1—50	150	110382	1—50	150	115740	1—50	150	119888	1—50	150
106151	1—50	150	110480	1—50	200	116124	1—50	150	119966	1—50	150

*) На остальные 49 номеров облигаций этой серии выпали выигрыши по 150 рублей.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС И ГОСКРЕДИТА

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ
КИНЕМАТОГРАФИИ
при СНК СССР
„ГЛАВКИНОПРОКАТ“

КАССА 20 УГОМЕЛ
П.Я.245
1 12
**СМОТРИТЕ НА ЭКРАНАХ СОЮЗА
НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ**

ТАХИР и ЗУХРА

Сценарий — **С. Абдулла,
А. Спешнев.**
Режиссёр-постановщик —
Наби Ганиев.
Режиссёр — **Ю. Агзамов.**

Тахир (Г. Аглаев), Зухра (Ю. Ризаева).

Главный оператор —
Д. Демуцкий.
Оператор — **М. Краснянский.**
Гл. художник — **В. Еремян.**
Композитор —
А. Козловский.

В РОЛЯХ:

Ю. Ризаева (Зухра).
Г. Аглаев (Тахир).
А. Исмаев (Бобохан).
Ш. Бурханов (Нарабатыр)
Р. Хамраев (Назим),
А. Хидоятов (Сардор).
О. Джалилов (Визир).
С. Талипов (Багир).
Х. Ганиева (Юлдуз).

ПРОИЗВОДСТВО ТАШКЕНТСКОЙ КИНОСТУДИИ 1945 года.